

Валентин Егоров

Предатели долго не
живут

Книга третья

Nova Totius
TERRARUM
ORBIS
TABULA
ex officina G. a Schagen
Amstelodami

18+

Валентин Егоров

**Предатели долго не
живут. Книга третья**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Егоров В. А.

Предатели долго не живут. Книга третья / В. А. Егоров —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

Группа призраков, созданная еще во времена Юрия Андропова, продолжает работать на Западе. Она попала в тяжелое положение - Советский Союз распался, новая Россия пока еще не стала супергосударством, с весом и мнение которого считались бы западные страны! Так что непонятно, с кем призракам теперь следует работать?! К тому же членам этой суперзасекреченной группы тоже приходится бороться за свое выживание. Их разыскивают контрразведчики едва ли не всех стран западного полушария! Да и в России не все так просто, некоторые генералы правоохранительных органов давно начали сотрудничать с Западом, они тоже рьяно разыскивают этих Призраков, чтобы сдать их своим западным кураторам. Идет тайная война не на жизнь, а на смерть, в которой все средства хороши для любой из сторон!

Содержание

Глава 1	5
1	5
2	11
3	15
Глава 2	19
1	19
2	23
3	28
Глава 3	32
1	32
2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Валентин Егоров

Предатели долго не живут. Книга третья

Глава 1

1

Когда находишься без сознания, то никакой боли не ощущаешь. Она уходит, как бы растворяется в неизвестности. Многие люди говорят, что, когда они находились без сознания, то страдали и мучились от страшной боли. Но это не совсем так, это они, придя в сознание, пытаются самим же себе доказать, что, будучи без сознания, ощущали боль! На деле они ощущали не саму боль, просто их сознание сохраняло воспоминания о той резкой боли даже и в том положении, когда себя уже не контролировали. Подобное произошло и со мной, когда нож Фреда пронзил верх моего живота, то сильнейшая боль тотчас же разлилась по всему моему телу. Она тут же подавила все мои мысли, разорвала все мои связи с реальностью. Я потерял сознание, мне даже в этом состоянии продолжалось хотеть, чтобы эта адская боль бы ушла, чтобы она хотя бы на минутку меня оставила бы в покое.

В тот момент, когда внешний мир вдруг от меня отдалился, то я к нему потерял всякий интерес. Тот мир, в котором до ранения я существовал, он мне вдруг стал совсем неинтересен и безразличен. Все те вопросы и проблемы того мира, прежде так меня волновали, они вдруг как бы отошли в сторону, поблекли и меня перестали интересовать! В тот момент для меня самым главным стало – это выжить, сохранить частоту своего дыхания с тем, чтобы мой головной мозг и мой организм в целом вовремя и в достаточном количестве получал бы кислород из воздуха. Находясь без сознания, я механически только и тем занимался, что старался поддержать свое дыхание. Прилагал все усилия для того, чтобы сделать очередные вдох и выдох своей грудью!

Причем я этого попросту не мог замечать, разумеется, но каким-то образом до моего сознания доходило понимание того, что с каждым вдохом и выдохом интервал между ними постоянно рос и увеличивался. То есть я дышал все реже и реже, иными словами во мне прекращались или замедлялись жизненные процессы. То есть попросту говоря, я умирал! Удар ножом Фреда был настолько хорошо поставленным, что он мне не оставил шансов на то, чтобы я выжил! В первые минуты после его удара ножом я ни о чем не думал. Перестал обращать внимание на все то, что происходило со мной или вокруг меня. Хотя мне казалось, что вокруг моего тела собралось немало народа, но все эти люди бестолково суетились и толклись вокруг меня. Они не знали, чем мне помочь, что вообще нужно делать с человеком, получившим удар ножом в живот. Причем вокруг меня толклись не только одни служащие гостиницы, офицеры гостиничной безопасности, но и ее постояльцы. И это обстоятельство меня, видимо, в чем-то спасло. По крайней мере, Фред не осмелился появиться, чтобы меня добить!

Все чаще и чаще вокруг меня стали раздаваться возгласы и крики:

– Доктора, ему срочно отыщите доктора и пришлите его в этот номер. Видите, человек умирает и ему срочно нужна помощь врача!

– Он все реже и реже дышит! Может ли кто-либо из вас ему сделать искусственное дыхание?! Его нужно заставить дышать более ровно и регулярно! Есть ли в гостинице врач или его нужно побыстрее доставить к врачам в больницу.

– Расступитесь, господа, и не волнуйтесь. Мы сейчас во всем разберемся и этому парню окажем всю необходимую помощь! Эй, ты там, вызови нашего доктора!

– Доктор, этот человек умирает от ножевого ранения в живот! Помогите ему выжить, сделайте с ним что-либо, чтобы он не умер!

Несколько позже я узнал, что эти слова, суета вокруг меня были подняты в основном постояльцами гостиницы. Повторяю, именно это обстоятельство меня и спасло! Появившиеся в номере офицеры службы безопасности гостиницы, обыскали номер Мартина и, разумеется, вскоре обнаружили и его труп. К слову сказать, менеджмент гостиницы Мартина относил к той категории своих постояльцев, к которым относился с наивысшим уважением и почтением. То есть службы безопасности гостиницы все свое внимание переключила на убийство Мартина. Во избежания скандала в обществе и в прессе менеджмент гостиницы вызвала городскую полицию для расследования убийства и скорую помощь. То есть я довольно-таки быстро начал получать профессиональную медицинскую помощь. Одновременно менеджмент как бы гарантировал возмещение расходов по моему лечению. Появившиеся полицейские были слишком уж заняты выяснением обстоятельств убийства Мартина, они меня попросту передали в руки врачам скорой помощи. Так как полагали, что я тяжело ранен и они меня всегда смогут допросить несколько позже! Тем самым полиция меня, даже не выяснив моей личности, же отправили в одну из городских госпиталей скорой помощи Тель-Авива. В госпитале меня не отправили в палату, а сразу же положили на операционный стол.

Находясь без сознания, будучи напрочь отрезанным от внешнего мира, я не знал, что же именно со мной происходило. Понятия не имел, каким это образом я вдруг оказался на операционном столе?! Будучи в беспамятстве, я занимался одним только делом. Всеми своими внутренними силами самого же себя заставлял, несмотря на дичайшую боль в животе, дышать. Даже находясь без сознания, я все время осознавал, что я не должен просто так умереть, не отомстив предательству Фреду и генерала Терентьева!

Когда меня положили на операционном столе и, пока операционная бригада готовилась к операции, то до моего сознания неведомым образом дошло понимание того, что меня вот-вот начнут оперировать, что меня вот-вот усыпят под наркозом. Как и многие люди, я много слышал о том, что под действием наркоза многие люди развязывают свои языки и начинают рассказывать о таких вещах, о которых другим было бы лучше не знать. Или же они начинают говорить на своем родном языке. Принимая во внимание, что моим родным языком всегда был и оставался русский язык, во мне заработал выработанный долгими годами тренировок условный рефлекс. Я про себя как бы запел одну простенькую русскую песенку, причем она мне всегда нравилась, «Теперь ты замужем»¹, но ее пел я на английском языке.

Эта песенка была чрезвычайно популярна в те времена, когда я еще учился и недоучился в московском университете, когда начал учиться в школе, но не в средней образовательной школе, разумеется! Слова этой песенки я повторял снова и снова на английском языке. И тогда в моей памяти почему-то вдруг всплыло воспоминание о тех временах, особенно запавшее мне в голову. На одной из тренировок Фомич свой кулак поднес к моему носу, и произнес с перегарным придыханием:

– Как только слова этой песенки зазвучат в твоей голове, недотепа ты эдакий, то всегда ты имей в виду, что тебе угрожает опасность. Или, что тебя допрашивают с применением наркотиков!

Сразу же по завершению операции, как только меня положили в палату, то меня попытался допросить следователь израильской полиции. В тот момент я все еще находился под действием наркоза, мысленно продолжал напевать эту красивую, но очень грустную песенку «Теперь ты замужем». Следователь попытался врачей госпиталя мне ввести «сыворотку правды», но те категорически отказались это делать. При этом они попытались полицейскому

---

¹ Слова русской народной песни. Эта песня стала популярной еще в годы Великой Отечественной войны. Она перерабатывалась и исполнялась многими современными авторами и исполнителями.

следователю объяснить, что я настолько слаб, что никакого дополнительного наркотика попросту не выдержу. В конечном итоге, следователь заявил, что он вернется через три дня и меня обязательно допросит. То есть, даже находясь без сознания, мне все уже удалось сохранить свое инкогнито!

Даже после того, как я в палате остался в полном одиночестве, мое сознание требовало, чтобы я продолжал бы напевать эту свою нелюбимую песенку. Особенно в ней мне нравились слова: «теперь ты замужем, и я тебе больше не нужен»! Они мне напоминали о моей первой любви, о моей Ленке.

С ней я познакомился на первом курсе университета, совершенно случайно мы оказались в одной учебной группе. Она мне понравилась с первого же взгляда, поэтому я старался на всех лекциях и на семинарах сидеть только рядом с ней или, как можно ближе к ней. Девчонка это заметила, поначалу она на меня посматривала с опаской, но очень скоро мы с ней уже не расставались, были всегда вместе до нашего последнего курса. Когда до окончания нашей учебы в университете осталось всего лишь пара месяцев, она мне вдруг заявила, что выходит замуж, но не за меня. Тот день я хорошо запомнил и, вероятно, теперь буду его вспоминать до конца своих дней, так как первую любовь никто и никогда не забывает!

В тот день я еще спал, когда рано утром Ленка позвонила и не очень-то радостным голосом сообщила:

– Можешь, радоваться, идиот, я от тебя подзалетела! Вчерашние анализы – это подтвердили. Сколько раз я тебе говорила, чтобы ты предохранялся, когда мы бывали вместе. Ты же мне только нагло ржал в ответ и всегда говорил, что не все ли равно, когда это случится, все равно мы будем вместе до конца наших жизней. Ну, что ж – это все-таки случилось! Так что нам нужно встретиться и поговорить по душам! Ты уж поднимайся с постели, одевайся, приходи на наше обычное место, там мы и поговорим.

И Ленка, так и не дав мне вставить слова, чтобы ей сказать, что я очень тому, что мы всегда будем вместе, что у нас будет ребенок, попросту повесила трубку телефона. Я же принялся лихорадочно собираться на нашу встречу, не совсем понимая, почему она была такой встревоженной. Я с Ленкой перед началом занятий в университете обычно встречался в маленьком скверике, расположенном прямо напротив театра Советской армии на Суворовской площади.

Я никогда особо к ней не лез со своими расспросами о том, где и в каком доме она живет. Правда, всегда немного удивлялся тому, что за все четыре года наших взаимоотношений, Ленка не единого раза мне не позволила ее проводить до подъезда дома. Она практически никогда и ничего мне не рассказывала о членах своей семьи. Да и мне этого было совсем и не нужно, меня интересовала только она сама, Ленка! Мы с ней встречались и расставались в этом самом скверике вот уже почти четыре года. Я же в то время с матерью жил в одной из пятиэтажных хрущевок в Самотечных переулках. Так что нам обоим было очень удобно встречаться в этом скверике на Суворовской площади, а дальше день мы уже проводили вместе и вдвоем. Друзья по учебной группе нас обоих называли – не разлей вода. Все они думали и были уверены в том, что мы обязательно поженимся сразу же по окончании учебы в университете.

В тот день я с Ленкой встретился в этом самом скверике и тут же к ней полез со своими объятиями, поздравлениями и поцелуями, но этот мой порыв она остановила одним только жестом своей руки.

– Не надо телячьих нежностей, хватит из самого себя разыгрывать счастливого отца, идиот! – Ленка еще никогда раньше со мной не разговаривала столь холодным тоном голоса. – Ведь, ты себе не представляешь, что этим своим необдуманном поступком, ты вызвал целую череду событий, которые я уже вряд ли смогу в должной степени контролировать. Между нами все было так хорошо, и вот нате вам, ты все испортил, в результате – я беременна и этого уже ни от кого не скроешь!

– А почему ты свою беременность должна от кого-то скрывать?! Родишь мне сына, и мы с тобой вдвоем будем его воспитывать! – Произнес я радостным тоном голоса. – Ты, вообще, о чем говоришь, Лен? Я не понимаю, в чем заключается суть твоей проблемы. Ведь, хоть завтра мы оба вместе можем подать заявление в ЗАГС!

– Нет, ты все-таки полный идиот и тебя уже ничем не исправить! Ты хоть один раз когда-либо за эти четыре года поинтересовался, замужем ли я или нет?!

До нельзя взволнованная Ленка вскочила на ноги и пару раз передо мной прошлась. При виде ее, такой родной и близкой, у меня снова защемила на сердце. Внутренне я очень гордился тем, что такая красивая и стройная девчонка мне принадлежит! Порой я сам себе завидовал, что в нее влюбился, что она меня тоже полюбила! Ленка же остановилась передо мной и, глядя мне прямо в глаза, ледяным тоном голоса произнесла:

– Беременность от тебя и многие другие обстоятельства меня заставляют принять решение о том, что я должна срочно выйти замуж!

Наконец-то, я от Ленки услышал слова, которые так долго ждал и надеялся когда-либо от нее услышать. Я уж совсем было собрался подняться на ноги и, обнимая свою Ленку, ей сказать, что я и моя мама мы оба будем рады ее принять в свою семью. Но в этот момент я вдруг услышал ее слова:

– Да, я выхожу замуж, но не за тебя! Беременность от тебя и многие другие обстоятельства меня заставили принять такое решение! Так что я ухожу и ухожу навсегда, мы больше уже никогда не увидимся!

Ленка грациозно развернулась и зашагала к выходу из скверика, я же остался сидеть на своей скамейке, не в силах с нее подняться, чтобы остановить свою любовь!

На этом мои воспоминания о своем прошлом и о Ленке внезапно прервались, в голове снова зазвучал мотив песенки «Теперь я замужем». Мне даже показалось, что кто-то со стороны у меня поинтересовался тем, кем я был и чем занимался в своем прошлом. Я так и не понял, был ли или не был этот вопрос мне задан, так как все еще находился без сознания. Но я все еще продолжал напевать песенку о своей Ленке. Одновременно я отвечал на задаваемые мне вопросы, но в тот момент во мне работал условный рефлекс, выработанный долгими физическими и психологическими тренировками. Мои ответы сопровождалась заранее внедренными в меня безадресными воспоминаниями. Воспоминания о детстве были типа, – мальчишкой и с сачком в руках я бегаю по лугу и ловлю бабочек. Или воспоминания об отрочестве – во время урока труда я работаю на станке по обработке древесины. Главное в таких случаях, в своих воспоминаниях я должен был бы избегать крупных планов, общих панорам с привязкой ко времени и к местности. С тем, чтобы у допрашивавших не возникло бы ясного понимания, где я и в какой стране родился, кем же на самом деле я был в своем прошлом. Работа моего сознания сопровождалась словами «теперь ты замужем, и я никому не нужен», а также силуэтом Ленки, уходящей прочь.

Сознание ко мне вернулся вместе с лучом ярким светом, бьющим мне прямо в глаза. Я тут же прослезился, слишком уж ярким оказался этот луч света. Из-за слез в глазах я так ничего и не смог разглядеть из всего того, где я в данный момент нахожусь, что со мной происходит. Я даже не мог разобраться в том и понять, где в данную минуту я нахожусь. Мне захотелось руками вытереть набежавшую слезу, но я тут же убедился в том, что своими руками не могу пошевелить. В этот момент послышался строгий женский голос с очень мне знакомыми интонациями.

– Оперлируемый, лежите спокойно и, пожалуйста, не дергайтесь! Сейчас я занята тем, что накладываю стежки на ваше раненое сердце. Если вы еще раз дернетесь или пошевелитесь, то одним только этим вы убьете самого себя! И тогда вряд ли я смогу вам гарантировать успешное завершение операции.

А затем этот знакомый голос куда-то в сторону произнес:

– Добавьте ему наркоза, пускай он спит и продолжает петь! Его мычание мне понравилось!

Голос этой женщины был мне хорошо знаком, но сколько бы я не напрягал своей памяти я так и не смог вспомнить, кому он мог бы принадлежать. Постепенно этот голос начал куда-то уплывать в сторону, пока я не оказался снова в тишине беспамятства. И тогда перед моими глазами снова появилась Ленка, она ничуть не изменилась за тридцать лет с момента нашей последней встречи.

Ленка стояла передо мной, смотрела мне прямо в глаза, ее губы вдруг зашевелились, она тихим голосом произнесла:

– Я рассталась с тобой, защищая тебя от гибели, тогда он мог бы тебя уничтожить одним лишь росчерком своего пера!

После той нашей встречи в скверике перед театром Красной армии, я ее больше никогда не встречал и не видел. Хотя изредка через друзей или даже от нее по электронной почте я от нее получал различные весточки. Они были очень редкими и с минимумом информации о ней самой. Я знал только то, что она вышла замуж за какого-то полковника КГБ СССР. Ровно через девять месяцев после свадьбы у них родился ребенок, я еще тогда догадывался, что это был мой сын. Когда и я начал работать в той же канторе, что и ее муж, то Ленка иногда мне присылала короткие записки: «Все еще помню о тебе, никак не могу тебя забыть!»

Сразу же после окончания школы безусым лейтенантом я пришел на работу в кантору. Но мое рабочее место в первом главном управлении, где я стажировался несколько лет подряд, вдруг оказалось занято сынком одного из членов Политбюро. Таким образом, я оказался безработным, отдел кадров меня направлял работать то в одно, то в другое управление комитета. Эта чехарда с работой со мной продолжалась где-то около полгода, пока Юрий Владимирович меня не вызвал к себе и не приказал мне заняться работой – собирая досье на зарубежных агентов нашей канторы. При этом председатель мне присвоил внеочередное звание капитан, а также он мне разрешил все эти досье хранить в своем сейфе, а не в первом отделе или в архиве, как тогда было общепринято.

Новая работа оказалась необременительной, сиди и читай себе служебную переписку, время от времени в гроссбух выписывая своей рукой чужие имена. Где-то раз в полгода Юрий Владимирович меня вызывал к себе, чтобы пролистать гроссбух и мне задать кое-какие специфические вопросы. Возможно, благодаря своим ответам на вопросы председателя, всего лишь за четыре года я от капитана вырос до подполковника. И тогда начались мои личные невзгоды! Практически все мои друзья и не друзья по работе меня считали любимчиком председателя, а значит он полагали, что я был где-то и стукачом. Поэтому некоторые из друзей со мной стали вести соответствующим образом, они мне или льстили напропалую, или же глубоко презирали. Так что вскоре я сам был вынужден признать, что я лишился всех своих настоящих друзей!

Но хуже всего оказалось то, что к моему сейфу неизвестные стали проявлять повышенный интерес и внимание со стороны, его пытались несколько раз вскрыть или взломать. Понятно, что их всех интересовало, что же такого я записываю в свой гроссбух. Причем, поверьте мне, что все они до одного были уверены в том, что я о них записываю одно только плохое, сочиняю пасквиль на каждого из них! Когда мой сейф попытались в третий раз взломать, то я завел второй гроссбух, ничем не отличавшийся от первого, стал его хранить в своем сейфе. Первый же и самый главный гроссбух я стал хранить в совершенно другом месте. Таким образом, мои дела по работе усложнились, но я пока еще выживал во многом благодаря поддержке Юрия Владимировича.

Но однажды он меня вызвал к себе. Когда я вошел в кабинет председателя, то он взволнованно расхаживал по кабинету. Жестом он мне предложил без рапорта занять одно из кресел, стоявших перед его столом и, продолжая за моей спиной расхаживать по кабинету, он мне вдруг сказал.

– Вам, молодой человек, видимо, придется нас покинуть! Так как вам угрожает смертельная опасность! Западные разведки прослышали про мои с вами делами. Вернее, про ваш грессбух! Они начали планировать операции по вашему уничтожению, чтобы любой ценой узнать, что вы там понаписали в этом своем грессбухе. В принципе, случилось именно то, что я планировал. Благодаря вам и вашему грессбуху нам удалось раскрыть многие дела, а также выявить предателей родины, скрывавшихся в наших рядах, а также потенциальных перебежчиков. И все эти люди полагают, что именно вы их раскрыли, так что задуманный мною маневр сработал!

В это момент Юрий Владимирович подошел ко мне, он меня внимательно осмотрел. Видимо, в этот момент он по мне принимал окончательное решение. Затем снова продолжил расхаживать взад и вперед по кабинету. Некоторое время он хранил молчание, а потом сказал:

– Я тебе решил присвоить звание полковника и даю три месяца на то, чтобы ты должным образом подготовился к тому, чтобы нас навсегда покинуть! Нас ты должен исчезнуть таким образом, таким способом, чтобы об этом никто бы не узнал! Считай, что сегодняшнего дня я тебя перевожу на нелегальное положение! В твое распоряжение ты получишь все наши ресурсы на организацию своего побега за рубеж. Главное, твой грессбух должен исчезнуть вместе с тобой, тебе не следует его уничтожить, но его никто не должен будет найти!

2

Я очнулся, нет, было бы более правильно сказать, на этот раз это меня кто-то привел в сознание. В тот момент я находился, кажется, в небольшом по своим размерам помещении, погруженном в густой сумрак. На что я сразу же обратил внимание, так это было то, что в помещении не было освещения, не горело ни одной осветительной лампочки. Что попросту не могло бы случиться в нашем современном мире. Отсутствие света могло бы только означать, что в этом помещении находился еще кто-то, кто не хотел бы, чтобы я его увидел бы или бы узнал. Эта мысль как бы подстегнула работу моего разума, моего сознания. Несмотря на общую слабость во всем моем теле, я сумел сосредоточиться, вспомнить обо всем, что со мной происходило до момента схватки-столкновения с Фредом. После чего я принялся со всем вниманием изучать окружающую меня обстановку, так как мне требовалось понять, где я в данную минуту нахожусь и что со мной происходит?!

Окна в помещении были плотно зашторены, сквозь плотные шторы едва проглядывала наша луна. Она в основном и освещала то помещение, где меня только что уколом в плечо привели в сознание. Я по сию пору ощущал в своем левом плече крохотный источник то ли боли, то ли ломоты, так обычно бывает после прокалывания кожи иглой или шприцем.

Из-за густого сумрака я так и не смог определить реальные размеры этого помещения. Тогда я принялся изучать как бы самого себя, в тот момент я лежал на широкой койке с высокоподнятым изголовьем. Можно было бы смело предположить, что это была больничная койка, так как изголовья кроватей так высоко не поднимаются ни дома, ни в гостинице. Из чего можно было бы прийти к выводу о том, что я пока еще нахожусь в больнице, а не в тюремной камере. От этой мысли я даже немного повеселел, так как у меня все еще сохранялся шанс попытаться избежать тюрьмы!

В больничной кровати я как бы полусидел, а не лежал. Подобное положение мне как бы позволяло осматриваться вокруг себя, но опять-таки я хочу повторить, что в густом сумраке было бы попросту невозможно что-либо разглядеть и понять, что со мной происходит? Но к этому времени мне удалось прийти к умозаключению, что я, по-прежнему, нахожусь в палате одной из больниц Тель-Авива.

Я вдруг обнаружил, что во всем этом помещении только я по торсу освещался блеклым пятном, его было бы даже нельзя назвать пятном света, настолько он был блеклым. Справа от моей койки стоял небольшой медицинский столик на колесиках, он тоже в темноте помещения выделялся светлым, но блеклым пятном. Видимо, для того, чтобы я сразу же обратил внимание на то, что его поверхность была вся заставлена медицинскими препаратами. А в верхнем его правом углу стояли три медицинских лотка со шприцами, заполненные жидкостями различного цвета от ярко желтой до ядовито зеленой. Это бы мне намек, и он означал, что мне предстоял допрос. Что в случае моего нежелания отвечать на вопросы допрашивающих, то ответы на вопросы они получают, применив ко мне все эти наркотические средства или сыворотку правды.

Я не стал свои глаза прикрывать веками, с широко раскрытыми глазами продолжал размышлять о том, что же все-таки происходит в этом помещении. Видимо, эти люди вокруг меня, скрывающие свои лица в густом сумраке помещения, все же были не так хорошо обо мне информированы?! По крайней мере, они не знали, что я – Карл Донован, мультимиллиардер и владелец всемирно известной компании «Финикс Фармацевтикал Лабораториз», производящей сердечные лекарства! Иначе, они передо мной не демонстрировали бы этот дурацкий столик с наркотическими препаратами, и они себя повели бы несколько по-другому. Этими наркотическими препаратами они не могли бы меня настолько испугать, чтобы я бы заговорил, начал бы честно отвечать на все их вопросы. Дело в том, что в свое время под руководством

полковника Андерсен одна из моих лабораторий разработала препарат антидот, при его регулярном приеме ни одно наркотическое средство, существующее в этом мире, мне не страшны!

В этот момент в тишине, все еще продолжающейся сохраняться в моей больничной палате прозвучало великолепное женское сопрано:

– Мы знаем, кто ты есть на самом деле!

Но я никак не отреагировать на этот вопрос, так он был мне задан на русском языке, я же его по легенде не должен был бы знать! Да и вообще я начал уставать от одного того, что у нас на Западе все, кому не лень, источник любой опасности видели только в русском человеке! Вот и на меня израильская полиция решила повесить убийство Мартина, начав допрос с плохо отрепетированной инсценировки. Только полному идиоту могло бы прийти в голову, чтобы какая-либо российская певица с таким красивым и мощным певческим голосом принять участие в полицейском допросе какого-то бомжа, которого только что прооперировали!

Я же своей правой рукой продолжал машинально разглаживать складки на своем одеяле, прикрывавшим мои ноги. В этот момент я вспоминал о своей Салли, свою жену американку, которую очень любил, она мне подарила троих замечательных детей – двоих сыновей и очаровательную дочку. В них смешалась моя русская и ее американская кровь, дети у нас получились удивительно красивыми, глаз от них нельзя было бы оторвать. Своим поведением, своим безразличием к происходящему я пытался продемонстрировать, что ни черта не понял вопроса, заданного мне на русском языке.

– Мы знаем, что ты попал в большую беду, и нуждаешься в нашей помощи. Соединенные Штаты готовы тебе помочь начать новую жизнь. Оно богатое и сильное государство, лидер современного мира. Как государство, Соединенные Штаты обладают всем необходимым, чтобы тебя укрыть, тебе помочь снова встать на ноги!

Что за чертовщина, в тот момент я подумал, они, что за идиота меня принимают, разыгрывая передо мной эту непонятную инсценировку. Что-то внутри меня мне подсказывало, что это израильтяне, но не Шабак моего так называемого друга Йозефа Коэна, пытаются меня наставить на путь истинный! Единственная организация в мире, с которой я не хотел бы быть во враждебных отношениях, – это израильский Моссад, слишком много они там уж знают! Но в Моссаде работают образованные и интеллигентные люди, они так низко не опустятся, чтоб перед подозреваемым в убийстве человеком разыгрывать подобные детские инсценировки!

В этот момент в помещении моей палаты возник и заговорил еще один, но хорошо знакомый мне мужской голос.

– Возможно, сын мой, ты и прав, думая, мы перед тобой разыгрываем плохую инсценировку! Мы и далее ее продолжили бы ее разыгрывать, но у нас на это попросту уже нет времени. Твой друг и враг Йозеф Коэн рвет и мечет, разыскивая тебя по всему Тель-Авиву! Его люди вот-вот появятся и в этой нашей больнице. Так что мы попросту вынуждены прекратить твой допрос, тебя же отпустить на волю. Только ты имей в виду, как только ты переступишь порог нашей больницы, то будешь предоставлен только самому себе! Мы не сможем и далее тебе помогать, Карл, так как не имеем права нарушать законы нашего государства и укрывать убийцу от заслуженного наказания! В заключение я хочу тебе напомнить о том, что долг платежом красен, но по настоящую пору именно ты пока еще не выполнил обещанного слова! Мы, евреи, же терпеливые люди и можем еще немного подождать! Тильда, ты не могла бы помочь своему пациенту покинуть нашу больницу?!

Мастер Ашкенази, – это был его голос, только что мне напомнил о том, что я пока еще не выполнил его просьбы, не устроил ему встречи с одним любопытным человеком. Но для этого я должен снова появиться на своей родине! Дела в Израиле, их необычное завершение меня задержали с поездкой в Россию в новом облике. Но отправка в Москву фотографии моей встречи с Коэном в палестинской кофейни и бойня, устроенная Джеком, резко охладило мое прежнее желание побывать в Москве. Но мастер Ашкенази мне только что напомнил, ясно и

четко сказал, что я имею лишь время на выздоровление, после чего должен немедленно отправляться в Москву.

Но, как говорят мои друзья русские, поживем и посмотрим, как будут в дальнейшем складываться мои дела?! Сейчас же мне предстояло покинуть это помещение, и скажу вам прямо, что теперь я не совсем был уверен, что нахожусь в какой-либо тель-авивской больнице. Самое главное для меня в этот момент была одна маленькая проблема, как за порогом этого здания я мог бы добраться до одного из своих тель-авивских домов-тайников?! Я не мог бы воспользоваться такси, так как, наверняка, внимание таксиста привлек бы своей слабостью. Пешком до цели я попросту бы не дошел!

В этот момент в палате вспыхнул свет, я тут же убедился в своей полной неправоте, когда предполагал, что в этом помещении, помимо меня, находятся и другие люди! В нем, оно при свете мало чем походило на больничную палату, никого не было, если не считать меня, моей кровати, столика с медикаментами и пары телевизионных камер на штативах. Хитрый мастер Ашкенази собирался меня допрашивать с удаленного расстояния при помощи телекамер.

Тут распахнулась дверь и на пороге показалась самая настоящая еврейская красавица. Рыжеволосая, полногрудая с осиной талией и с длиннющими ногами, словно стрела, сорвавшаяся с тетивы арбалета, она влетела в помещение. Девушка тут же меня, даже не поприветствовав, принялась одевать. С собой эта красавица принесла зимний анорак. Когда джинсы и полусапоги оказались на мне, то медсестра мне на плечи накинула этот зимний анорак, так как из-за перевязанной многими слоями бинтов груди на меня ничего другого нельзя было одеть. Рыжеволосая оказалась довольно-таки сильной девчонкой, она меня, признаюсь вам откровенно, довольно-таки легко выковыряла из постели и практически на себе потащила к двери.

Сегодня очень многие врачи своим пациентам советуют подниматься на ноги и самому ходить уже на следующий день после операции. Они утверждают, что самостоятельное хождение, – это самый быстрый путь к полному выздоровлению! Но я пока еще вообще не мог самостоятельно держаться на ногах, тем более не мог самостоятельно передвигаться. Может быть, потому что после операции прошло всего лишь три часа, а может быть, и потому, что меня на себе тащила такая красивая девчонка, как эта рыжеволоска! Она меня уже протащила по пустому коридору, он собой напоминал коридор любого офисного здания, но, разумеется, не был больничным коридором.

Желая, познакомиться с этой девчонкой, я ей сказал тихо сказал на ушко:

– Ты уж меня извини, но у меня нет сил на то, чтобы самому пройти по этому коридору!

– Ты уж не дури, солдат! На то мы женщины и созданы, чтобы мужиков таскать на себе!

Я тебя дотащу до выхода из здания, а дальше уж ты сам пойдешь!

Вы знаете, конечно, я мог бы ее попросить, мне помочь добраться до своей конспиративной квартиры в Тель-Авиве, но что-то меня остановило, и я промолчал. Вскоре мы добрались до выхода из здания, по дороге нам не встретился ни один человек. Мастер Ашкенази оказался весьма предусмотрительным человеком, а этой рыжеволосой Тильде он, видимо, очень доверял!

Я с ней не стал прощаться, а просто выпрямился во весь свой рост и, представив себя в строю, сделал несколько шагов. Все что я запомнил, так это было то, что я все время пытался удержаться на ногах. Даже ухватился за ограду соседнего особняка, и по ней начал сползать на пешеходный тротуар. Дальше последовал очередной провал в памяти. Пришел в себя от прохлады ветерка, начавшего обдывать мое лицо. Открыл глаза и увидел, что нахожусь в салоне какого-то автомобиля, за рулем сидит какой-то человек с рыжей шевелюрой. Я был настолько слаб, что сразу и не понял, была ли это женщина или это все же был мужчина.

Но у меня хватило сил на то, чтобы поинтересоваться:

– Извините, но вы, куда меня везете?

– Домой! – Мне ответил знакомый женский голос.

Тогда я все же догадался, что в Тильде разыграла женская натура, она решила меня спасти, даже жертвуя сама собой! Полиция после обысков в офисном центре мастера Ашкенази, обязательно проведет обыски по местам проживания всех его сотрудников. Так что в доме Тильды нам обоим появляться было более чем опасно!

– Вы не могли меня отвезти по адресу?! – И я Тильде продиктовал адрес своей конспиративной квартиры.

Тильда по началу не поверила, что особняк на одной из городских окраин, является именно тем самым местом, куда она меня должна была доставить. Она свой старый ауди даже притормозила перед его воротами, девчонка совсем уж собралась уходить от этих ворот на разворот. Именно в этот момент я ее попросил:

– Тильда, пожалуйста, не уезжай, проезжай прямо в ворота! Нас там уже ждут!

Ауди очень сильно дернулся и в мгновение ока проскочил ворота, распахнувшись прямо перед его носом. Видимо, Тильда глазам своим не могла поверить в то, что я могу иметь хоть какое-то отношение к такому роскошному особняку. Но, проехав две пары сотен метров, Тильда свой ауди остановила прямо перед входом в особняк. Ее автомобиль был тут же окружен специальной командой телохранителей, подчинявшихся одной только полковнику Андерсену! Видимо, они меня все же узнали, но не проявили активности, ожидая моего приказа. Тильда же сидела ни живой, ни мертвой за рулем своего ауди, мотор его двигателя все еще продолжал работать.

– Заглуши двигатель, мы приехали! В этом моем доме ты ничего не должна бояться или просто опасаться. Прислуга и секьюрити тебя будут слушаться так же, как и меня! Только одну неделю ты не сможешь покидать его территорию! Немного оправившись, я покину этот дом и Израиль, тогда весь этот дом будет тебе принадлежать! Так что сосредоточься, девчонка, и саму себя веди соответствующим образом! Повторяю, в этом доме тебе абсолютно нечего бояться!

С этими словами я приоткрыл заднюю дверцу ауди, и сказал, обращаясь к старшему телохранителю:

– Перенесите меня в мою спальню и срочно вызовите терапевта и хирурга! Они должны меня осмотреть на наличие в моем теле прослушивающей аппаратуры. Ауди этой дамы разобрать на запчасти, но их не продавать, а уничтожить таким образом, чтобы это ауди не смогли бы найти ни по одной запчасти, словно машины никогда не существовало! Девушку отведите в одну из гостевых комнат и, пожалуйста, беспрекословно выполняйте ее любую просьбу!

3

Первую половину следующей недели я не занимался своими делами. Основное время проводил в тренажерном зале или в бассейне, пытаясь побыстрее восстановиться после ранения. Тренировался и плавал под наблюдением опытного тренера, одного из своих ирландских знакомых. Узнав о сумме гонорара, он без каких-либо возражений прилетел и поселился в одной из гостевых комнат моего конспиративного особняка. Парень не задавал мне много вопросов, но уже со второй половины дня своего прилета он меня взял в оборот, начал очень жестко со мной работать. То есть он работал, почти также, как Фомич в те давние московские времена моей подготовки, обучая партизанскому искусству ухода от преследования, нападению из-за засад.

Если первые два дня, порой после даже спокойной пробежки по лужайке я то и дело отхаркивался сгустками крови. То тренер-терапевт тогда мне кричал:

– Занятия срочно прекратить! Иначе, рана на сердце откроется, и ты изойдешь кровью!

Но, несмотря на эти окрики, мы с Ирландцем продолжали свои жесткие тренировки. На третий день отхаркивание кровью прекратилось, мне стало даже легче дышать во время бега. Только на третий день я почувствовал, что прежняя сила начала в меня постепенно возвращаться, но рана порой давала о себе знать. Одним словом, я понемногу начал восстанавливаться. Так что временами я начал задумываться о своих собственных делах, думать о планах на будущее. Одного мне только не хотелось, в таком болезненном состоянии отправляться в Москву! Да и к тому же к такой серьезной поездке я попросту не был готов и в моральном плане!

Тогда я подумал о Тильде, так как обещанная неделя подходила к концу, мне с ней нужно было бы определяться. Хочу вам честно признаться в том, что у меня с этой еврейской красавицей что-то не сложилось. За все это время она ни единого раза ко мне подходила, она ни разу ко мне не обращалась с какой-либо просьбой или с каким-либо вопросом. Что-то и меня останавливало, несмотря на какую-то внутреннюю тягу к ней, я ни разу к ней не обратился и не поинтересовался, как она переживает неделю заключения в моем роскошном особняке?! Девчонка регулярно выходила к завтраку, к обеду и к ужину, но она ни разу не садилась за мой стол. Она забивалась куда-то в дальний уголок общей столовой и, как мне иногда казалось, чтобы с тоской посматривать в окно. Вне столовой я ее наиболее часто видел в плавательном бассейне, там она плавала великолепным кролем и даже баттерфляем. Но еще большее удовольствие я получал, когда эта рыжеволоска поднималась из бассейна. У меня дух захватывало при виде ее стройного тела в бикини!

В пятницу, когда в этот день все правоверные иудеи отдыхали и в синагогах молились Иисусу Христу, я по одному из своих резервных мобильных телефонов напрямую связался с полковником Андерсеном. Каким-то чудом мне удалось с ней соединиться, минуя ее секретаря. Памела мгновенно узнала мой голос, так что к тому же мне стало не нужным ей представляться.

– Памела, меня беспокоят два вопроса! – Я начал наш разговор.

– Какие именно вопросы тебя могут вообще волновать! Что касается переговоров в Израиле ...

– Меня не интересуют израильские переговоры. К тому же я из газет узнал о том, что израильтяне согласились принять все наши условия!

– Замечательно. Так что же тебя все-таки беспокоит, я никак не пойму! Человек с каждым часом, с каждым днем становится все богаче и богаче! А он, по-прежнему, чем-то не доволен!

– Памела, прекрати! Я очень не люблю, когда надо мной мой лучший друг так шутит? Ты же прекрасно знаешь, что неделю назад меня едва ли не убили?!

– Да, я слышала об этом! И скажу более того, если ты себя продолжишь вести подобно шаловливому, но непослушному ребенку, то это может повториться снова и снова! Сколько раз тебе нужно говорить, что большое внимание ты должен уделять своей личной охране! Ты же все мои слова пропускаешь мимо своих же ушей! В конце концов, это твое поведение может совсем плохо закончиться!

– Памела. Ты у меня самая главная по всем вопросам безопасности, вот и занимайся всеми эти вопросами.

– Похоже на то, что я у тебя вообще становлюсь самой главной. Последние полгода я только и тем занимаюсь, что сижу за штурвалом твоего корабля, и им управляю в дикий шторм на море!

– И у тебя очень неплохо получается! Так что все эти вопросы остаются за тобой, пока на нашем корабле не установится полное спокойствие.

– Извини, а что ты понимаешь под полным спокойствием?!

– Не знаю, Памела! Наверное, это когда Салли с детьми вернется домой?!

– А ты на стороне продолжишь заниматься своими непонятными делами?!

– Но они же приносят нам очень много денег! Слушай, Памела, прекрати наш разговор так целеустремленно уводить в тупик. Я тебе позвонил, чтобы разрешить две небольшие проблемы. Первая проблема, – это дом, в котором я сейчас скрываюсь и лечусь! Вторая, как мне выбраться из этой страны?!

– Что касается дома, то я, действуя по сложившейся привычке, подготовила все документы или на его дарение, или на его продажу. Так что можешь сам выбирать тот способ, которым ты свою очередную пассию одаришь этим домом. Что касается второго вопроса, то он на много сложнее, чем ты сам думаешь. Израильтяне почему-то решили, что ты их в чем-то одурачил, вот они и прилагают максимум усилий по твоему розыску и по желанию с тобой пообщаться. Так что напроць отпадают все легальные пути, которыми ты мог бы покинуть Израиль! У меня для тебя имеется одна наработка, когда один англичанин покинул Израиль прикинувшись израильтянином. Но об этом мы поговорим не по этой телефонной линии, которая прослушивается, кому не лень.

Памела Андерсен, отставной полковник шведской секретной службы, за время работы на меня, она меня изучила вдоль и поперек. Порой мне даже самому казалось, что иногда я думаю, как она до этого предсказала, но тем не менее мы с ней всегда находим общий язык. Она меня не раз вытаскивала из таких проблем, что мне попросту стыдно об этом вспоминать. Вот и сейчас в мое отсутствие полковник Андерсен рулит всей моей многомиллиардной корпорацией и ничего, она пока справляется и с общим руководством корпорации и с тем, чтобы меня вытаскивать из проблем, который я сам же ей и создаю!

После разговора с полковником мне стало ясным и понятным, что время райского отдыха подходит к концу, настала пора мне делать ноги из Израиля, а иначе Йозеф Коэн меня разыщет и заставит заниматься делами, которые мне пока еще не совсем нравятся. Но прежде чем покинуть эту страну мне нужно было бы посетить бар на пляже, перекинуться парой слов с барменом. Ведь, это он сумел Мартина убедить в необходимости его присутствия в Израиле. Благодаря его своевременному появлению нам удалось сорвать планируемое палестинцами убийство американского президента в ходе его первого официального визита в эту страну.

Мой разговор с барменом на этот раз затронет вопрос о генерале Терентьеве, бывшем муже моей первой любви Ленки. После чего мне нужно будет встретиться с Гришей, наконец-то, ставшим официальным представителем моей компании в Израиле. Согласно нашей предварительной договоренности, только я обладаю правом назначать определенных людей на определенные должности в тель-авивском офисе. Так что я был готов ему назвать имена этих людей, правда, парочка из них не была израильтянами. И последнее, главное, Гриша должен окончательно определиться на кого он будет работать, засучив рукава, на меня или на Йозефа

Коэна?! Я же буду даже не против, если он сохранит свою должность в израильской службе безопасности ШАБАК, но работать должен будет только на меня!

И последнее, я должен, наконец-то, поговорить с Тильдой. Как я ей и обещал, этот особняк перейдет в ее собственность. Рано или поздно Йозеф Коэн узнает, что я в нем неделю скрывался от его ищек, он тогда начнет копать, кто же был истинным владельцем этого особняка. Для этого ему предстоит пройти долгий путь с именами бывших владельцев с тем, чтобы в конце пути упереться в имя мастера Ашкенази, ведь Тильда была его личным секретарем-референтом, он же ей доверял выполнение наиболее сложных и персональных заданий.

Утром в субботу, едва проснувшись, вместо пробежки по лужайке, я отправился в бассейн. И, разумеется, совершенно случайно нос к носу столкнулся с Тильдой. Поверьте, она была действительно очень красивой и очень стройной еврейской девушкой! Одной из тех, кто удачно выходит замуж, рожают детей только своим мужьям! Тильда ко всему этому оказалась очень умной девушкой, так как она моментально поняла, с какой именно целью я случайно этим утром вдруг появился у бассейна. Она на меня подняла свои янтарные глаза и заинтересовалась:

– Валери, что настало время нашего расставания?! Мне у тебя очень понравилось! За всю свою жизнь я пока еще не отдыхала так спокойно! Впервые, за тобой я себя почувствовала умиротворенной и ничего не боящейся девушкой!

Самым удивительным в ее словах прозвучало одно из моих имен, временами я становился полковником Валери Варней. Простая секретарша-референт даже самого высокого начальства об этом не должна была бы знать! Но Израиль – это самая удивительная страна мира, в ней уживаются все национальности мира – бывшие русские и бывшие американцы, бывшие немцы и бывшие французы! Причем все израильтяне друг о друге знают все детали и подробности, словно это не страна, а небольшая еврейская деревенька! Так что я особо не удивился тому, что Тильда знала мое имя. Я улыбнулся ей в ответ и сказал:

– Тильда, сегодня суббота и завтра меня в этом особняке уже больше не будет! Он, как я вам обещал, переходит в вашу собственность! Вам остается только подписать пару документов, вы уже сами определяйте, каким образом этот особняк захотите получить, в качестве дарения или вы его купите за один доллар?! Мой юрист с документами здесь появится, как только я его покину!

– Валери, но вы даже не заинтересовались, хочу ли я или не хочу получить в дар или купить этот прекрасный особняк?!

– Я прожил достаточно долгую жизнь и пока еще не встречал женщины или девушки, отказавшейся от подобного подарка от мужчины, Тильда! Со временем вы выйдете замуж, своему мужу нарожаете детей! И вы сейчас попросту не представляете, как это будет замечательно своих детей растить и воспитывать в подобном доме! Каждый день тогда этот дом вам и вашим детям будет приносить настоящую радость и счастье в вашей жизни, Тильда!

– Валери, да вы настоящий мужчина-романтик! Умеете девушек свращать жизненными перспективами. Может быть вы и правы, что каждая семья своих детей должна растить и воспитывать в большом доме! Возможно, я и приму ваш подарок, но хочу вам сказать, что я пока еще не выбрала своего спутника жизни! Поэтому порой мне самой очень трудно принимать принципиальные решения! Но, почему вы так спешите покинуть этот ваш прекрасный дом?! Оставайтесь, я с удовольствием составлю вам компанию! Мы вместе можем еще немного пожить в этом доме, дайте мне хотя бы на мгновение прикоснуться к птице счастья!

– С великим удовольствием, Тильда, я принял бы ваше приглашение, но жизненные обстоятельства складываются несколько иным образом. Это не я хочу этот дом покинуть, как можно быстрее, это мне со стороны намекают, что, если я в нем еще на один денек задержусь, то меня отсюда уведут с руками, закованными в наручники! Мне же совершенно не хотелось бы, чтобы нечто подобное со мной бы случилось!

– Валери, как красиво вы выражаетесь?! У меня аж дух захватывает, очень жаль, что я упустила такую прекрасную возможность с вами поближе познакомиться! Но ваши слова, Валери, они не означают ли того, что нас, ой извини, это Йозеф все же тебя разыскал?! Но ведь он не собирался тебя арестовывать на долгое время. Ему хотелось с тобой поговорить, а после он тебя отпустил бы на все четыре стороны!

К этому времени мы оба прошли внутрь террасы дома с громадным панорамным окном на бассейн. В данную минуту оно было полностью раскрыто, так как светило яркое и очень жаркое солнце. В охлаждаемой тени террасы нам обоим было попросту замечательно. Прислуга мне принесла мой любимый джин энд тоник, правда, он стал моим любимым напитком только на данный период пребывания в этом доме. Уже в понедельник утром Йозеф Коэн начнет беседовать с прислугой этого дома, выясняя, как я проводил время, и все мои привычки.

В этот момент Ирландец со своим неизменным рюкзаком за спиной сидел в только что им вызванном тель-авивском такси. Он издали, не поднимаясь к нам на террасу, мне пома- хал рукой на прощанье. Он возвращался в свои партизанские пампасы Никарагуа продолжать борьбу за свободу никарагуанского народа. Со временем возглавит республиканское управле- ние безопасности этой латиноамериканской республики. Я же с этим замечательным челове- ком уже больше никогда не встречу, так время от времени мы будем друг другу по сети пере- давать приветы, да и то пользуясь псевдонимами!

– Ты меня, Тильда, уж извини, но с каждой прошедшей минутой у меня остается все меньше и меньше свободного времени, а мне еще предстоит немало сделать. Когда увидишь Йозефа, то ты за меня перед ними извинись и просто ему скажи, что я с ним обязательно встречу, но в свое время. Во время этой встречи я ему обязательно все ему расскажу, в частности, поделюсь с ним информацией о фотографии, посланной в Москву!

В этот момент во взгляде этой красивой еврейской девчонке промелькнула мысль, осо- бенно мне понравившаяся. Тильда поняла, что ее используют и что Йозефу Коэну она должна будет передать информацию, о которой не имеет ни малейшего представления. Женское же любопытство – это оружие страшней атомной бомбы. Оно способно разрушить целое госу- дарство с многомиллионным население! Вот и Тильда не выдержала искуса и поинтересова- лась.

– Валери, я чрезвычайно любопытная особа, но не совсем поняла, что ты подразумеваешь под фотографией в Москву. Не хочешь ли этим ты мне сказать, что Йозеф – агент Москвы?!

– Ни в коем случае, Тильда! Нет и нет, Йозеф Коэн не агент Москвы! Просто нас объ- единила, сделала хорошими друзьями всего лишь одна фотография! Но он знает, что под фотографией я имею в виду. А сейчас, Тильда, ты уж меня извини, я должен встретиться и попрощаться со своими друзьями. Вечером, обещаю, мы снова встретимся и продолжим наш разговор. Копии документов на дом сейчас находятся в твоей комнате. Так что ты можешь заранее до разговора с юристом с ними ознакомиться.

Покидая террасу, я обернулся, чтобы еще раз Тильде помахать рукой. Одновременно и как бы на прощанье я полюбовался ее красотой и ее фигуркой. Наверное, наша прама- терь Ева была такой же красивой и стройной женщиной?! Заодно я еще раз взглянул на то, что могло бы быть ожерельем, то ли монисто на шиколотке ее правой ножки. Я никогда не пойму этих женщин, зачем звукозаписывающую аппаратуру носить на ноге, когда она так бы красиво смотрелась на ее лебединой шее?!

Глава 2

1

– Мы же с тобой во время последней встречи договорились, что ты закроешь этот свой пляжный бар и переберешься в другую страну. Почему ты не выполняешь моих распоряжений?

– Я не мог этого сделать по очень простой причине, Пятница, пока ты находишься в Израиле и пока я остаюсь твоим единственным и никем не контролируемым каналом связи с внешним миром! Как только ты покинешь Израиль, то я свой бар тут же продаю и, как можно быстро, тоже покидаю эту страну.

– Хорошо, я тебя понял! Для твоей информации, завтра я покину Израиль, так что начинай собирать свои шмотки и демонтировать узел связи.

– Хорошо, Пятница, я тебя понял. Шмотки уже давно собраны, узел связи демонтировать не нужно, я его попросту введу в спящий режим. Он находится глубоко под пляжным песком, так что его вряд ли кто его сможет обнаружить. Пока еще нет такой аппаратуры, способной железо обнаруживать на такой глубине! Ведь могут наступить и такие времена, когда он нам снова может потребоваться.

– Серж, поступай, как знаешь! Ты в этих делах лучше меня разбираешься. Что слышно от ребят?

– Все нормально, все идет своим чередом! После устранения Мартина и сенатора мы все вздохнули с облегчением. Мартин многих из нас знал в лицо, но он не успел или попросту не захотел своим кураторам из ЦРУ рассказывать о нашей сети.

– Такого не бывает, Серж! К тому же я Мартина знал лично, мы были даже близкими друзьями! Он и меня, как и всех своих других друзей, в чем-то подозревал! Уж очень он любил по крупицам собирать информацию и ее копить на всякий случай!

– Наш агент в ЦРУ только что сообщил, что ЦРУ всеми своими силами разыскивает какой-то ноутбук, принадлежавший Мартину! Они на его поиски бросили трех своих сыскных волкодавов.

– Ну, вот видишь, Серж, как нам следует очень внимательно относиться к любому сообщению, касающегося нас непосредственно! Перед тем, как навсегда покинуть свой пляжный бар, передай по сети – всем быть настороже, еще раз внимательно изучить все свои дела на возможность утечки какой-либо информации. Передав информацию, сразу же покидай этой свой пляжный бар. У меня в этой связи на душе кошки скребут, не такие уж израильтяне дураки, чтобы не заметить, как я частенько посещал твой бар. Их правоохранительные органы работают не хуже нашего НКВД в тридцатые годы! Так что ты, Серж, наверняка у них уже на заметке, они мимо тебя не пройдут!

– Пятница, я же тебе только что сказал, что через пару часов покидаю Израиль! Ну, а ты-то, как?

– Сразу же после твоего бара я на своем Феррари еду в аэропорт Бен-Гурион! Так что, Серж, пока и до новых встреч и не поминай меня лихом!

Выйдя из бара Сержа, я сладко потянулся, а потом подумал о том, в это время года никогда столько топтунов из израильских правоохранительных органов не загорало на этом городском бесплатном пляже! Чуть ли не каждый третий из числа загорающих имел очень загорелые руки и лица, ну а вот со своими телами они слегка подкачали. Очень многие израильтяне на этом пляже были бледнокожими по причине того, что они слишком много времени проводили в автомобилях, ведя наружное наблюдение за подозреваемыми лицами.

Потянувшись всем своим телом, я поначалу было направился к красному Феррари, стоявшему на набережной. Признаюсь, вам по секрету, что данный Феррари ко мне не имел ни малейшего отношения. Просто направляясь на встречу с Сержем, я его случайно заметил и его номер с тремя шестерками меня навели на мысль, использовать в своих целях даже его случайное появление в этих местах. Ведь все сотрудники израильских правоохранительных уже прослышали о моей любви к Феррари! Одну из своих машин это класса я в свое время даже подарил самой племяннице Йозефа Коэна, Либе Аппельбаум.

Однако, сделав пару шагов по направлению к Феррари, я раздумал автомобилем сразу же отправляться в Бен-Гурион, так как в последнюю минуту я решил напоследок искупаться в Средиземном море. Смыть с себя пот, выступивший из-за сорокоградусной жары! Едва ли не у самого среза воды, я начал раздеваться. Оставшись в одних плавках, перед самым входом в воду обернулся и посмотрел на берег. Краем глаза успел заметить, что Сержа под конвоем двоих полицейских выводили из бара. Я даже не удивился тому, почему Моссад или ШАБАК так торопится и не дождался того момента, когда я сам покину этот пляж. На деле эта их поспешность могло бы только означать, израильтяне не поверили моим словам, что я Израиль покину через Бен-Гурион! Так что они решили, что и я этот городской пляж не покину самостоятельно, они меня отсюда, как и Сержа, уведут под конвоем!

Честного говоря, мы с Сержем ожидали и были готовы к этому аресту, но нам во чтобы то ни стало требовалось по сети отправить сигнал общей тревоги после того, как выяснилось, что Мартин нас предал! Серж отправил этот сигнал, но уйти от ареста он так и не смог, не успел! Теперь ему придется месяца через два-три пойти на признание, что он работал с нами простым радистом и много попросту не знает. После чего теперь уже Моссад с нами затеет интеллигентную радиоигру. Ну, что ж в моей группе имеются опытнейшие специалисты по радиоиграм, так что не понятно, кто в той радиоигре действительно может стать кошкой или мышкой?!

К этому времени я уже брел по колено в воде. Средиземное море у израильских берегов очень мелкое, порой приходится проходить полкилометра, прежде чем достигнешь глубины с головой. Я окунулся в море с головой именно в тот момент, когда хамасовский катер из крупнокалиберного пулемета начал обстреливать этот городской пляж. Разумеется, береговая охрана Израиля моментально засекала этот катер и, естественно, объявила тревогу. Хотя израильтяне бывалые люди и в борьбе с палестинцами ко многому привыкли. Тем не менее на городском пляже началась небольшая паника. Загорающие похватили свою одежду и побежали спасаться подальше от воды, подальше от хамасовского катера. В этой панике никто из израильских топтунов не заметил, как один из загоравших совершенно случайно подхватил мою одежду и ее бросил в свой наспинный рюкзачок, а затем он бесследно исчез среди израильтян, побежавших к набережной. Шведская разведка всегда отличалась своей исполнительностью и умением не задавать лишних вопросов. Всем этим полковник Андерсен постоянно пользовалась даже и после многих лет своей отставки с поста одного из руководителей этой службы.

Я же просто последовал всем ее рекомендациям и советам. Когда я окунулся с головой, то меня нашел дайвер с запасной маской и аквалангом. Ни о чем меня не расспрашивая, в воде это было бы попросту невозможно, дайвер, натянув на мое лицо маску и проверив, что я в ней свободно дышу, взял меня за руку и под водой меня потянул куда-то в сторону. Под водой течение времени как бы исчезает, поэтому я не знаю, не могу сказать, как долго мы плыли, не всплывая на поверхность моря.

Все это время нахождения под водой я размышлял о том, появление хамасовцев у берегов Израиля оказалось случайным или Памела и этот катер палестинцев подключила к моему прикрытию. Задавать ей вопросы на подобную тему всегда было бесполезным делом, шведский полковник, да и к тому женщина, она мне никогда не говорила всей правды! Но, как аккуратный и педантичный акканутер, она всегда в конце каждого месяца мне направляла на подпись

смету своих расходов по статье безопасность. Если в этой смете появятся расходы на аренду катера, то появление хамасовцев у берегов Израиля, наверняка, стало делом ее рук.

Мне так и не удалось прийти к какому-либо решению по хамасовцам, как дайвер прекратил меня тянуть на буксире. Он меня подтащил поближе к себе и с моего лица сорвал дыхательную маску, а затем пинком под зад меня направил к берегу. Как полковник Андерсен меня в этом заверяла, то этот пляж находился в частной собственности, наверняка, какого-либо шведа-миллионера. Когда я, наконец-то, добрел до этого берега, то там ни одного человека не было! Только на одном и на очень большом шезлонге лежала дама бальзаковского возраста, но поднебесных объемов. Только трое таких мужиков, как я, смогли бы ее обнять! Тем не менее она сумела одну из своих рук поднять кверху, чтобы меня поприветствовать.

– Господин шпион, хотя Памелка меня очень просила на тебя не обращать внимания, вы не могли бы остановиться и немного со мной поговорить! После ухода с поста главы шведской полиции и, не смотря на честно заработанные деньги, моя жизнь превратилась в такую скуку-тищу, что не пером описать! Только еда и сходить в туалет, со мной больше ничего интересного не происходит!

– Ну и что же вам такого обо мне полковник Андерсен рассказала? – Хмуро я поинтересовался, останавливаясь рядом с шезлонгом.

– Да ничего особенного, господин шпион! Она мне рассказала, что у вас плохо с головой, бывают небольшие психические заскоки и глюки, когда вы верите в то, что вы великий шпион нашей современности! В такие заскоки вам надо подыгрывать, а то вы по-настоящему сойдете с ума! Так что вы не беспокойтесь, у меня достаточно много денег, чтобы вам реально подыгрывать. Да, вы только что упомянули, что Памелка стала полковником, когда я с ней впервые встретилась, то она была всего лишь пигалицей-полисменом и моей напарницей. Ну, мы с ней вдвоем и натворили всяких приличных и неприличных дел. Очень жаль, что я не могу вернуться те наши прошлые времена!

Эта дама бальзаковского возраста, но, наверное, она была и чуть старше этого возраста, знала очень много интересного о руководителе службы безопасности моей корпорации. Так что следовало бы хотя бы с ней познакомиться, а вечером и поговорить по душам за бутылочкой «Столичной». Я много раз слышал о том, что шведы очень уважают эту русскую водочку.

Мадам ...! – Я тут же сделал паузу даме намекая на то, что не знаю ее имени.

– Сегодня вы меня можете называть фру Люси! –

– Мадам Люси, в данный момент я опаздываю на одну очень важную для меня встречу! Не могли бы наш разговор продолжить сегодня вечером, скажем, за бутылочкой «Столичная»?!

– Господин шпион, но вы удивительно понимающий человек! Вы только что согласились вместе со мной провести вечерок, скрасить его своим присутствием. Вот только я думаю, что одной бутылочки водки нам на вечер не хватит?! Ну, да, ладно, я сама позабочусь о нашей выпивке и закуске! Ну, а вы что на свою встречу собираетесь отправиться в одних только плавках?!

На встречу к Грише я все-таки опоздал минут на сорок. Может быть, из-за своего опоздания я смог увидеть, как из кабинета управляющего представителем американской компании «Финикс Фармацевтикал Лабораториз» вышел Йозеф Коэн в сопровождении пяти амбалов из своей службы безопасности ШАБАК. Видимо, Йозеф очень надеялся со мной встретиться и поговорить. Но встреча не состоялась и не по моей вине, а из-за слишком уж говорливой шведки Люси. Но я его не остановил, не вернул обратно в Гришин кабинет, чтобы все же с ним обменяться мнением по некоторым нас обоих интересующим вопросам. Про себя я решил дожидаться лучших времен и с ним встретиться на нейтральной территории, и лучше не в Израиле.

Когда я почти неслышно вошел в кабинет, то Гриша сидел в шикарном кресле спиной ко входу, поэтому он моего появления не заметил. Так как он был очень увлечен разговором с кем-то в Финиксе, с кем-то из штаб-квартиры моего концерна. Для любого мужчины нет ничего более увлекательного на свете вести разговоры об оружии или о деньгах. Гриша по своей натуре и по рождению был пацифистом, поэтому очень любил поговорить о деньгах. Разговаривая с кем-то в Финиксе, Гриша строгим голосом требовал оплатить все счета по аренде помещения, автотранспорта и на приобретении мебели для израильского офиса.

Я решил прекратить эту его ненужную болтовню с неизвестным лицом в Финиксе:

– Гриша, давай прекращай из себя корчить великого человека! Став моим представителем в Израиле, ты теперь несешь прямую ответственность только передо мной или, в крайнем случае, перед полковником Андерсенем. Она сейчас в Финиксе сидит на хозяйстве и контролирует все наши расходы! Только мы двое имеем право подтверждать или не подтверждать расходы твоего представительства. Помимо этого, ты мне обещал представить организационную структуру своего представительства. Принимая во внимание, что у меня мало времени на разговор с тобой, то давай мы его начнем с обсуждения организационной структуры.

С этими словами я подошел к столу Гриши, у него из рук забрал телефонную трубку и ее вернул на рычаги аппарата. Взглядом Гришу попросил освободить рабочее место за столом, и с удовольствием расположился в его кресле. Только после этого я свои глаза поднял на Гришу и ему сказал:

– Ну, чего ты фонарным столбом замер передо мной? Давай, беги за схемой, и мы ее обсудим!

– Но она еще не готова!

– Гриша, но ты уж меня извини, вчера в разговоре с Памелой ты ее заверил в том, что схема давно проработана, что в настоящий момент ты занимаешься наймом клерков?! Я не утвержу ни единого цента по твоим расходам, пока не увижу этой схемы и ты мне не представишь полный список нанятых людей

Гриша же продолжал стоять столб-столбом, не двигаясь с места, он явно не понимал всей сути происходящего. Главное, до него не доходило, откуда я вдруг появился в его кабинете? Ну, что ж в этом случае мне придется резать по живому и без наркоза! Я поднялся на ноги и подошел вплотную к своему старому грузинскому другу и, глядя в глаза Грише, я ему сказал:

– Сейчас, не сходя с этого места, ты, Гриша, должен принять окончательное решение, с кем ты?! Или продолжишь дружбу со мной, и тогда займешь пост руководителя представительства моей компании в Израиле и, возможно, в России. Или продолжишь свою службу в ШАБАК у Йозефа Козна, но в этом случае, надеюсь, что ты и сам понимаешь, что нашей дружбе конец и мы навсегда расходимся! И тогда я буду вынужден заняться поисками другого руководителя своего представительства в Тель-Авиве!

2

Шведка Люси, подруга Памелы Андерсен, оказалась очень веселой и весьма разговорчивой женщиной, несмотря на свой неподвижный образ жизни. Весь вечер мы провели на открытой террасе ее дома, она его приобрела и переселилась в Израиль только из-за погодных условий. Швеция для нее оказалась слишком уж холодной страной, где зимой по вечерам ей делать было совсем нечего. Вот она и увлеклась кулинарией после выхода в отставку. Много готовила, много и сама ела, так что постоянного мужа у нее никогда не было.

– Понимаешь, господин шпион, как только я выходила замуж за какого-либо мужика, то он тут же бросал работу и садился мне на шею. И все они всегда требовали, то пива из холодильника достань и принеси, то утку запекти по-пекински. Одним словом, мне все это очень быстро надоело, так что я всех своих мужей попросту выгоняла на улицу. Пусть там они сами о себе заботятся.

В беседах ни о чем мы провели два часа. За это времени прикончили две бутылки «Столичной». На закуску Люси приготовила три разной селедки – вяленой, малосоленой и в маринаде из укропа. К селедке она подала картушку пюре по-немецки и рассыпчатую картошку с луком по-русски. Мы ели, пили и просто разговаривали. Одним словом, замечательно проводили время. В конце концов, я не выдержал и у Люси поинтересовался:

– Люси, как ты вообще собираешься бороться со своим весом? Еще годик другой и другой, ты совсем перестанешь двигаться и тогда вес тебя задавит!

– Да я и сама все хорошо понимаю, что хорошим мое ожорство делом не закончится, но я сама с собой ничего не могу поделать! Деньги есть, самой нечем заняться! Вот себе дни напролет я и готовлю различные деликатесы и разносолы, по ночам со слезами на глазах сама же их пожираю. Десять лет я в отставке и восемь лет из них различными диетами борюсь со своим весом. Но он, зараза, меня почему-то всегда побеждает! Так что в настоящий момент я сложила руки и плыву по течению жизни!

К этому времени я, видимо, хорошенько набрался «Столичной» и меня понесло. Да и Люси, как думающий человек, мне понравилось, мне ее стало жалко и захотелось ей помочь. Меня никто не тянул за язык, но в самом конце нашего разговора я возьми и ей брякни:

– Люси, как я понял, ты очень хочешь похудеть. Вернуть свой нормальный вес?!

– Конечно, это мечта моей жизни!

– Оружием ты владеешь, кашеварить ты умеешь! Скажи, Люси, сколько времени тебе потребуется, скажем, стать еще и радисткой?!

– Смотря, какой квалификации?! Скажем, от трех недель до трех месяцев!

– Тогда я могу тебе дать телефон одного человека из одной латиноамериканской республики. В ней он занимает должность главы республиканской службы безопасности, заодно он курирует партизанское движение в соседних республиках. Ему позарез нужны люди, умеющие стрелять, кашеварить и работать на рациях. Так что ты ему вполне подходишь. Если ты сумеешь с ним договориться, станешь партизанской радисткой, то через год от твоего перевеса не останется и следа. Будешь бегать, прыгать и скакать, как молодая овца!

– Но я не люблю убивать людей!

– В качестве радистки тебя об этом никто и не попросит. Если у тебя будет оружие, то только для самообороны. Но кашеварить тебе, Люси, придется очень много! Да, если ты пойдешь в партизанские радистки, то свои миллионы запрятать куда подальше! Не то люди, с кем тебе вместе придется вместе работать, узнав о твоих миллионах, тебя смогут убедить их передать в фонд борьбы за свободу, ты же тогда их попросту лишишься!

На этом разговоре наша волнующуюся вечерняя пьянка завершилась. Я отправился спать в одну из гостевых спален дома Люси. И кстати, очень неплохо выспался, но утром голова

разрывалась от боли и уж очень сильно водочным перегаром несло из моего рта, как бы я не старался от него избавиться. Русская водочка после себя всегда оставляет заметные след, то никому ненужный скандал с мордобоем, то, как сегодня утром, сильный перегар, его можно почувствовать за версту! Ведь немногим позже этим же утром я должен был бы в компании неких палестинцев покинуть Тель-Авив и перебраться в палестинскую автономию. А оттуда одним из тоннелей под землей пробраться в Египет. Там в каирском аэропорту меня уже ждал корпоративный Гольфстрим, на нем я должен был бы отправиться в добрую и старую Британию, в Лондон. В последнем из разговоров Памела мне сообщила, что британская полиция без санкции и ордера арестовала Линду и всех сотрудников ее компании «Линда Секьюрити» и держит их всех в тюрьме. Так что сами понимаете, что с этим делом я должен был бы срочно разобраться.

То есть почти три дня я должен буду провести в компании с палестинцами, а они, как всем известно, верят в Аллаха и не пьют алкогольные напитки. Так, как же они ко мне будут относиться, если я к ним появлюсь со столь сильным ароматом водочного перегара?! Раз двадцать я почистил зубы пастой и рот промывал Фтородентом, после чего начал пахнуть фтором вместе с перегаром. Так никем не замеченным, шведка Люси спала в своей спальне, своей прислуге она из-за меня дала отгул, я покинул ее дом, уже переодетым палестинцем. Но на палестинца я был очень мало похож в основном из-за своего роста и фигурой. Ведь палестинцами в основном были люди мелкие или среднего роста. В одном из пошивочных мастерских, принадлежавшей палестинцу, я встретился со своими спутниками.

Их было двое, я должен был стать их третьим товарищем по дороге. Арабского я разумеется не знал, поэтому мог общаться только с Фаттахом, он немного понимал и говорил на английском языке. Абдулла будто бы не знал английского языка, но за трое суток нашей дороги пару раз случалось и такая ситуация, когда мне казалось, что он английский язык знает гораздо лучше своего друга Фаттаха.

Мой договор с ними обоими был очень простым, если они меня доведут до Египта, то каждый из них должен был бы получить по три тысячи долларов. Так что, сами понимаете, что меня ни в малейшей степени не интересовали их дела, чем они будут заниматься по дороге в Египет. Но ухо с этими друзьями я собирался держать остро на протяжении всего нашего пути, так как ни на йоту им не доверял. Поэтому в дорогу я не позабыл с собой прихватить своих обоих любимцев «Орлов пустыни» с четырьмя запасными обоймами к каждому из них. Один из пистолетов я спрятал за поясом своих джинсов за спину, а второй по арабской традиции изолентой прикрепил к внутренней поверхности бедра правой ноги. Первый день пути этот пистолетик мне здорово натирал бедро левой ноги, но на второй день я к этому привык и на него перестал обращать внимание.

Как только мы встретились, познакомились в пошивочной мастерской, то Фаттах у меня поинтересовался:

– Господин, вы не взяли ли с собой в дорогу какое-либо оружие?

На этот его вопрос я лишь отрицательно покачал головой. Затем Фаттах меня очень тщательно осмотрел, и сказал:

– Господин, ваши джинсы слишком уж новые, их нужно заменить!

Его приятель Абдулла ужом проскользнул куда в дальний угол мастерской, но вскоре вернулся с джинсами моего размера в руках, они были более поношенными и не стиранными, по крайней мере, неделю. Ни слова, не говоря в ответ, я взял эти грязные джинсы и ушел за занавеску, чтобы переодеться. Две вещи мне совершенно не понравились в обоих палестинцах. Абдулла ринулся в дальний угол мастерской, прибегнув к профессиональному скрытному шагу. Этому скрытному шагу обучают только бойцов специальных подразделений, они им пользуются при выполнении специальных заданий в тылу противника. А потом эти джинсы, в пору моей молодости Фомич мне всегда говорил:

– Малец, сколько раз я тебе говорил, если хочешь кого-либо обыскать, но не хочешь, чтобы подозреваемый догадался бы о проводимом тобой шмоне, то ты его вежливо попроси поменять трусы, штаны или рубашку под любым удобным предлогом. В результате, ты получишь хотя бы представление о том, что он на себе спрятал!

В кабинке для переодевания я встал таким образом, чтобы мои палестинские друзья не увидели хотя бы второй пистолет, приклеенный к бедру ноги. Когда я, переодевшись в новые джинсы вышел из кабинки, то ни Фаттах, ни Абдула не показали и вида, что узрели, как своего «Орла пустыни» я перепрятывал за пояс за спиной своих новых джинсов. На этот раз Фаттах куда-то сбегал и принес три вещмешка, похожие то ли на современный рюкзак, то ли на старинную торбу. Один из вещмешков он мне протянул и пояснил:

– Это на всякий случай, если нас остановит израильские полицейские или военный патруль. Тогда ты постарайся на своем ломанном английском языке израильтянам пояснить, что мы спешим на свадьбу нашего старшего брата. В мешках же у нас подарки для него и для его невесты!

В ответ мне ничего не оставалось делать, как лишь утвердительно кивнуть головой. Всего лишь час общения с этими двумя палестинцами, моими будущими спутниками, меня в гораздо большей степени превратили в араба-палестинца. По крайней мере я усек основное правило – никому, кроме самого себя, не доверяй!

Чуть позже мы отправились в дорогу, держа направление на Палестинскую автономию. В основном мы передвигались автомобилем, причем раз по десять день его меняли. Порой проехав всего лишь десять километров в сторону противоположную от автономии, мы бросали этот автомобиль, а у ближайшей палестинской семьи забирали другой автомобиль, чтобы в нужном направлении на нем проехать еще пятьдесят километров. И снова смена автомобиля, вся эта чересполосица с автомобилями все продолжалась и продолжалась до бесконечности. Я даже немного устал от этой кажущейся на первый взгляд неразберихи, на деле же мы с большой осторожностью, но все же приближались и приближались к границам Палестинской автономии. Фаттах, как и я, сидел вместе со мной на заднем сиденье, Абдулла много времени проводил за рулем того или иного автомобиля. Фаттах его порой подменял, но всего лишь на час или на полчаса, то ли для того, чтобы Абдулла немного отдохнул, то ли для того, чтобы самому сориентироваться на местности.

Так что для меня ничего особо интересного в ходе наших метаниях по хорошим израильским дорогам не происходило. Я постоянно занимал место на заднем сиденье того или иного автомобиля, сидя за спиной Абдуллы. Фаттах, как я уже рассказывал, большую часть своего времени меня сторожил, только очень немного времени проводил за рулем. Абдулла ни единого раза так не присаживался ко мне. Час проходил за часом, очень медленно, но верно мы приближались к границам Палестинской автономии. Я знал о том, что границы как таковой между Израилем и Палестинской автономии не существует, она охранялась передвижными израильскими патрулями и блокпостами на дорогах. Под вечер мы миновали один такой израильский блокпост, израильтяне нас даже не остановили, не досматривали. Скучающий постовой лишь головой кивнул Абдулле, словно его узнал, а рукой показал, что он может продолжать движение.

Подобное немного странноватое поведение израильского постового для меня явилось очередной неприятной новостью! Но я не подал вида, что это заметил, продолжал, сидя на заднем сиденье, скучающе зевать, свой рот прикрывая ладонью. Перегаром все еще продолжало нести из моего рта, но эти двое якобы правоверных араба этого аромата даже не заметили. К тому же они в разговорах между собой не так уж особенно часто вспоминали Аллаха и так уж часто его прославляли! Одним словом, я насторожился, более тщательно стал присматриваться к дороге, по которой мчался наш автомобиль. Но дорога проходила по совершенно пустынной

местности, напоминающей Сахару. Бежать мне попросту было некуда, при попытке к бегству меня подстрелят с первого же выстрела!

На следующем блокпосту нас все-таки остановили, постовой потребовал предъявить наши документы. Предварительно он попросил нас всех покинуть автомобиль и ждать появления офицера, тот должен будет нами заниматься. Взяв документы, он начал их перелистывать, но почему-то перелистывал одни только мои документы. Абдулла вдруг зашел ко мне со спины и из-за пояса моих джинсов вытащил одного из моих любимцев – пистолет «Орел пустыни». Он выщелкнул обойму из моего пистолета и задумчиво произнес:

– Я-то думал, что ты настоящий ас в шпионаже! А ты нас даже не узнал!

– Никакой я ни ас шпионажа, а простой полковник американской армии! Что касается тебя, Варух, то ты сержант спецподразделения «Сайрет «Эгоэ», и я тебя и твоего товарища давно узнал! Мы с тобой однажды столкнулись в аэропорту Бен-Гурион, так что тот случай я никогда не забуду!

– Это потому, что я тебя нокаутировал?

– Нет, Варух, – это потому что я тебе поддался! И в результате, познакомился с Йозефом! Где Йозеф, почему я его не вижу?

– Полковник, потому что мы сегодня выполняем задание несколько другой организации, а не ШАБАК!

В этот момент дверь щитового домика, который использовался или в качестве казармы для постовых или в качестве штаба блокпоста, распахнулась и на его пороге показалась красавица Тильда. Только она сегодня была в армейской форме с погонами майора ЦАХАЛ! Признаться, вам откровенно, что в нашем мире нет никого более красивых, чем женщин в военной одежде! Тильда выглядела сногшибательно, своей красотой она парализовала мой разум, на секунду я превратился в каменного истукана. Итак, сегодня сержант Варух выполнял ответственное задание Моссада по моей нейтрализации! Видимо, Моссад заинтересовался, что это за игры ШАБАК в лице его руководителя Йозефа Коэна начал вести вместе со мной. Вот только к сожалению, если у меня было бы свободное время, то я, возможно, и встретился бы еще раз с Тильдой, но такого времени у меня попросту не было! Моего появления с большим нетерпением ожидала Линда, сейчас она находилась в одной из лондонских тюрем строго режима! Ее обвинили в том, что она якобы российская шпионка!

Так что постового блокпоста я вырубил ударом ноги, Фаттаху всем своим телом прижал к корпусу автомобиля, тем самым его как бы обездвигил. Обеими руками ухватился за голову Варуха, но разрушать его шейные позвонки я не стал, а указательным пальцем нажал одну точку под ухом, и сержанта усыпил на пару часов. Только после всего этого повернулся лицом к Фаттаху и на ухо ему быстро прошептал:

– Вас обоих я решил не убивать! Возможно, мы когда-нибудь еще встретимся и вместе повоюем. Передай Варуху, пусть он сохранит мой пистолет. Он должен будет мне его обязательно вернуть, когда мы снова встретимся, а не то я обижусь! Мой «Орел пустыни» ему обязательно принесет удачу! А ты сейчас ложись на асфальт, руки положи на затылок и не двигайся! До новых встреч боец, если на то будет Божья воля!

Пока Фаттах ложился на асфальт, я вскочил на водительское сиденье. Ключ по западной привычке оказался в зажигании. Быстрый им поворот и хорошо прогретый двигатель завелся с полуоборота. Я сразу же врубил вторую скорость, обеими ногами одновременно выжал педали сцепления и акселератора. Поначалу «Опель» пошел юзом по асфальту, но вскоре дорога застелилась под его капот. Когда я перешел на четвертую скорость, то машина уже неслась на скорости под сто километров в час. Мне же требовалось около пятнадцати минут для того чтобы пересечь границу Палестинской автономии. Хотя я знал, что израильтяне теперь не останавливаются и угнанный мною «Опель» они обязательно расстреляют из автоматической пушки одного из своих бронетранспортеров, стоявших на блокпосте.

Как бы в подтверждении моих слов, над головой прошелестела очередь из крупнокалиберного пулемета Она была своего рода предупреждением, мол, остановись или мы тебя расстреляем! Но я не мог потерять неделю или две, доказывая показания ШАБАКУ или Моссаду, что я не русский шпион, а всего лишь простой американец с подмоченной репутацией. Я не мог допустить того, чтобы ни в чем не виновная Линда с моим ребенком в своем чреве, еще какое-то время провела бы в тюрьме. Когда первый малокалиберный снаряд разорвался на шоссе справа от «Опеля», то я приоткрыл свою водительскую дверцу. Когда второй снаряд разорвался слева от меня, то я выпрыгнул в приоткрытую дверь. Я еще катился по откосу насыпи дороги, когда третий снаряд взорвался в салоне «Опеля», и машина мгновенно исчезла в султана взрыва!

3

Всеми фибрами своей души я ненавидел лондонский аэропорт Хитроу.

В начале 90-х годов прошлого века первый президент Советского Союза Горби совершил свой первый официальный визит в Британию по приглашению английской королевы Елизаветы. Меня для практики включили в пул советских журналистов для освещения визита. На деле я же прикрывал внедрение нашего человека в английское общество. Но мой рассказ не о том, как я выполнял свое первое задание. Рассказ о том, как я вылетал домой после его успешного завершения.

Из всех пятидесяти журналистов президентского пула только меня одного английская таможня взяла в разработку. Она меня распотрошила до полного раздевания! До конца своей жизни я в своей памяти буду хранить постыдные воспоминания о том, как индеец-таможенник в тюрбане копался в моих вещах, перебирая грязное белье. При этом он прощупывал каждый шов моих трусиков, Джинс, всего моего белья, отдирал стельки у растоптанных ботинок. Когда в заключение он потребовал, чтобы я полностью разделся! Чтобы я свои трусы ему передал бы в руки для дальнейшего прощупывания, то все это я, разумеется, выполнил. Но вот только после этого досмотра у этой старой и доброй Англии в моем лице появился настоящий враг!

До Лондона я добирался не бортом своего «Гольфстрима», а бортом «Бомбардье» Мартина. Встретившая меня на трапе стюардесса Гарси на ушко мне прошептала:

– Валери, по завещанию Мартина вся его собственность, вся его наличность переходит к тебе. На борту находится адвокат Мартина, он неплохой юрист и хороший человек. Он не один раз Мартина вытаскивал из весьма щекотливых ситуаций! Так что этот юрист захотел с тобой встретиться и переговорить еще до момента официальной огласки завещания Мартина. По его просьбе я позвонила твоей Памеле Андерсен, мы с ней договорились о том, что полет в Лондон ты совершишь на нашем ... нет, ты уж меня извини, на твоём «Бомбардье»! С тем, чтобы у тебя было бы достаточно времени на разговор с юристом Мартина.

– Хорошо, Гарси, я обязательно переговорю с адвокатом Мартина, но мне потребуется немного времени на то, чтобы принять душ и себя привести в порядок. И, Гарси, у меня к тебе имеется очень небольшая просьба. Не могли бы мы по дороге в Лондон совершить посадку в любом городе, где меня мог бы осмотреть доктор. И желательно, чтобы он меня осмотрел прямо в салоне самолета, так как я не хочу появляться на людях и привлекать к себе внимание.

– Конечно, Валери, за твои деньги можно все сделать, чего ты не пожелаешь! Но любой доктор при разговоре со мной, наверняка, поинтересуется, что у тебя за рана?!

В принципе, Гарси была в чем-то права, так как ни один стоящий доктор не согласится осматривать рану, если он не знает, к чему он должен быть готов, что это за рана. Я нехотя, сквозь силу Гарси ответил:

– Ножевая колотая рана правого предсердия! Моя рана начала снова кровоточить!

– Бог ты мой, Валери! Почему ты мне сразу же не рассказал об этой своей страшной ране! Я тебе все держу и держу на трапе, не позволяю проходить в салон самолета.

– Гарси, пожалуйста, успокойся, я пока еще не помираю!

– Валери, может быть, доктора мы пригласим в этом каирском аэропорту?!

Честно говоря, я очень устал от Израильского или Арабского Ближнего Востока! И прекрасно знал, что появление египетского доктора обязательно выльется в мое посещение его клиники, где меня попытаются задержать еще на два-три денька. Повторяю, что времени у меня попросту не было, поэтому я сказал Гарси:

– Только не египетского доктора! Давай мы посадку совершим в Риме, итальянцы народ бойкий. Их врачи с моей раной обязательно быстро справятся прямо в салоне «Бомбардье»!

Гарси дошла до того, что она сама разделась, чтобы меня хорошенько отмыть в душе, но без малейшего предложения интима с ее стороны. Порой она искоса поглядывала на мою перевязку, покрытую пятнами крови. Это был результат той мгновенной схватки с израильскими спецназовцами на блокпосте перед въездом в Палестинскую автономию. Порой Гарси кончиками пальцев касалась этих кровавых пятен, содрогаясь всем своим прекрасным телом!

Когда я прошел в салон самолета, то в одном из шести кресел я увидел человека в годах, но он пока еще не стал стариком. Адвокат имел мощное телосложение, как и многие мужчины американцы, но до веса шведки Люси ему было пока еще далеко! Этот человек хотел было привстать из-за стола, когда я появился в салоне самолета. Я ему улыбнулся ми спокойным голосом произнес:

– Не вставайте, не надо! Если вы разрешите, то я хотел бы сам к вам присоединиться.

Вскоре мы сидели друг напротив друга в широких, в очень удобных и комфортабельных креслах. Ему и мне потребовались пару минут с тем, чтобы каждый из нас, хотя бы зрительно, составил бы свое представление о своем визави. Я почему-то решил, что передо мной сидит чистокровный американец. Прямой потомок тех английских заключенных, которые с револьверами полковника Кольта осваивали Восток и Запад Северной Америки!

– Вы, что пьете? Не хотите ли чего-нибудь перекусить? – Я поинтересовался.

– Французский Хеннеси! Что касается перекуса, то я совершенно не голоден! Благодарю за предложение!

– Гарси, – негромким голосом я позвал нашу стюардессу, – принеси мне, пожалуйста, золотую текилу с лимоном и немного курятины. Я очень проголодался, даже утром не успел позавтракать! –

Через секунду я продолжил, своих глаз, не отрывая от Мартиновского адвоката. Он чем-то был мне симпатичен, но я пока еще не понимал, чем именно, у меня было недостаточно времени, чтобы об этом человеке составить свое мнение.

– Гарси мне успела нашептать на ухо, что вы – адвокат Мартина и выразили желание негласно со мной пообщаться по какому-то очень важному вопросу!

– Да, это именно так! Но прежде чем мы начнем наш разговор, вы разрешите мне предложить, чтобы с этой минуты я к вам обращался только, как к полковнику Варней!

– А, что разве у меня имеются другие имена? – Я решил немного подшутить над этим слишком уж серьезным адвокатом.

– Разумеется, и я все эти ваши имена знаю. Вы должны меня понять, что, будучи адвокатом Мартина, сразу же после его смерти я ознакомился со многими его документами. И главное, я прочитал его дневник! В нем он без прикрас описывал все этапы своей жизни. Открыто и откровенно рассказывал о самом себе, о всех своих аферах и о авантюрах. И очень много страниц своего дневника Мартин посвятил вам, полковник. Он вас любил, уважал и почитал, но в его душе витала некая зависть к вашим успехам в бизнесе, ваше отношение к своей жене и детям, и эта зависть его заставила вступить на тропу предательства! В конце концов, Мартин вас предал!

– Я об этом догадывался, когда мы с ним впервые встретились и познакомились, то подружился в основном по той причине, что ему страшно понравились мои дети. Он с ними был готов проводить целые дни и ночи. Что порой даже моя спокойная Салли стала его ревновать и ко мне, и к нашим детям. Но я не думаю, что одна только зависть его с подвигла на предательство! Мне кажется, что в его жизни имелась некая тайна, вот и она его и заставила склонить голову перед людьми, которых он попросту презирал. Вы знаете, но вы только что затронули очень важную для меня тему – жизнь Мартина и мои с ним взаимоотношения! Но, честно говоря, о покойниках не говорят плохого! Мартин умер, если он меня и предавал, то это предательство покоится вместе с ним!

– Да, я вас очень хорошо понимаю! Каким бы друг не был плохим человеком для вас он останется все же близким другом! К тому же этот ваш друг совсем недавно погиб при невыясненных обстоятельствах. Но очень плохо то, что его имя начинают связывать с якобы планировавшимся в Израиле убийством американского президента! Цель моего визита и разговора с вами заключается в том, что Мартин все свое состояние, ценные бумаги, деньги в банках он оставил вам и вашим детям. Но если, кто-либо докажет, что Мартин входил в состав заговорщиков и действительно планировал убийство нашего президента, то правительство Соединенных Штатов может наложить лапу на его состояние и на его архивные бумаги. Тогда чужие и ничего не понимающие люди прочтут его дневники, и тогда о вас, полковник Варнгей, они могут составить совсем неправильное представление!

– Не могли бы вы более конкретно изложить свои точку зрения дальнейшего развития событий.

– Через шесть месяцев, как и положено по закону, я должен в присутствии прямых наследников, то есть вас, полковник, и ваших детей, а также в присутствии официальных свидетелей огласить завещание Мартина. Только после этого оглашения правительство Соединенных Штатов может обратиться в суд с просьбой наложить мораторий на передачу состояния Мартина в ваши руки. После чего оно официальным порядком начнет уже против вас сначала предсудебное расследование. Затем, если правительство обнаружит некоторые факты, подтверждающие вашу не полную лояльность государству, то оно начнет уже судебный процесс по лишению вас вашего бизнеса! Ко всему этому я могу только добавить, что в бумагах Мартина приводится достаточно много фактов из вашей коммерческой жизни, чтобы вас, полковник, до конца жизни посадить на тюремную похлебку!

– А что будет, если я откажусь от наследства Мартина?

– Тем самым вы только развяжете руки американскому правительству и американской Фемиде! Как только вы объявите о своем отказе от наследства, то все бумаги Мартина должны быть переданы в государственные архивы. Там, наверняка, найдется человек, который ознакомится с их содержанием. Тогда этот человек по собственной инициативе может подать в суд заявление, обвиняя вас в предательстве и в тайной работе на другое государство! Детей ваших, может быть, и не тронут, но вас и вашу жену арестуют и изолируют с тем, чтобы вы не смогли бы помешать ходу расследования!

– Да, вы меня застали прямо-таки врасплох с этим наследством Мартина! Я и отказаться от него не могу, но и его принять будет очень опасным для всей моей семьи! Между прочим, хотя бы примерно в какую сумму оценивается его наследство?

– Полтора миллиарда долларов на счетах, около двух миллиардов долларов в ценных бумагах и чуть меньше одного миллиарда долларов в недвижимости. И немного по-маленькому – собственный самолет, собственное ранчо в Техасе и одна собственная Ай-Ти компания! Всего где-то около четырех с половиной миллиардов долларов!

– Но, почему вы ко мне пришли, почему вы решили мне рассказать об опасности, надвигающейся на меня и на мою семью?! Вы, что по своей натуре альтруист, приходите на помощь терпящим беду?!

– Нет, я не альтруист, полковник! Я высокопрофессиональный юрист и адвокат, конечно, очень люблю, когда мне за мою работу платят очень хорошие деньги! Мы с Мартином вместе проработали последние десять лет и оба неплохо заработали друг на друге! Так что под пресс американского законодательства попадаете не только вы, но и я сам! Так что данному обстоятельству я буду противиться, как только смогу. Перед отлетом в Израиль Мартин меня пригласил к себе, мы вместе провели весь вечер. Пили, ели и Мартин очень много мне говорил о том, что у него не очень хорошие предчувствия в связи с предстоящей поездкой в Израиль. В тот вечер он мне прямо заявил, что в Америку из Израиля он уже живым не вернется! Рассказал, что написал завещание в вашу пользу, и он мне даже предсказал, как примерно будут разви-

ваться события после его смерти! «Дэвид, ты обязательно с ним встретиться и ему расскажи, что я его любил и продолжаю любить, несмотря ни на что! Просто генерал и его покровитель оказались очень жесткими людьми, они намерены предпринять все необходимые меры, чтобы Карла Донована и его семейство извести под корень!» Вот только Мартин мне ни единым словом не объяснил, кем же на деле был этот самый Карл Донован, генерал и его покровитель?! Ты, Дэвид, даже и не старайся этого узнать, он мне сказал перед нашим расставанием!

– Позвольте, мистер Баксбаум, вас поблагодарить за то, что вы нашли время встретиться и поговорить со мной. В настоящий момент у меня нет ответа на ваше предложение вместе противостоять попыткам американского правительства дискредитировать меня и мою семью! В основном из-за того, что я нахожусь в несколько разобранном состоянии. Мне нужно время для того, чтобы обдумать сложившуюся ситуацию, принять какое-либо решение. Мне хотелось бы по этому вопросу посоветоваться со своей женой и с близкими друзьями!

– Да, пожалуйста, господин Варней, у вас пока еще время, хотя его и совсем немного, на принятие решения. Где-то через пять с половиной месяцев я вас официальным письмом приглашу на оглашение завещания Мартина! Именно к этому времени вы должны не только принять окончательное решение по этому вопросу, но и предпринять определенные шаги с тем, чтобы американское правительство не могло бы вас обвинить в чем-либо предосудительном! Если вы хотите, то я вам могу помочь при формировании аргументов в свою защиту.

– Это было бы совсем неплохо, но есть ли у вас время для работы вместе со мной?

– В настоящее время у меня в работе одна сплошная мелочь, типа, бракоразводных процессов. Так что я могу всего себя посвятить работе по подготовке к судебной тяжбе с американским правительством.

– Отлично, в таком случае, господин Баксбаум, вы не составите мне компании и вместе со мной не слетаете ли в Лондон. Мне там потребуется ваша помощь в одном непростом деле! Одни мою хорошо знакомую, английские власти бездоказательно обвинили в шпионаже на Россию, хотя она работала только на меня и на мой концерн!

Глава 3

1

В Римском аэропорту мы приземлились всего лишь на один час. Этого времени Энрике, итальянскому хирургу, вполне хватило на то, чтобы внимательно осмотреть мою рану, пару раз поцокать зубами, и меня заново перевязать. Покидая салон самолета, Энрике мне сказал:

– Уважаемый господин, вы очень плохо относитесь к своей ране и, видимо, не понимаете, что у вас раненое сердце! С человеческим сердцем нельзя шутить, к нему всегда следует обращаться с любовью и с осторожностью. Да, вам нужно больше двигаться, но не бегать, сломя голову, не предпринимать в своей жизни что-либо экстремального или экстравагантного. Если вы в своем сердце почувствуете боль или что-либо непонятное начнет с ним происходить, то звоните, я к вам прилечу, даже если вы будете находиться на Северном полюсе!

С этими словами Энрике покинул борт моего «Бомбардье», мы тут же взлетели и взяли курс на Лондон. Из-за своей давней нелюбви к аэропорту Хитроу, я через Гарси попросил пилота, чтобы он посадку запросил бы в аэропорту Гатвике, во втором крупнейшем аэропорту Лондона. После посадки Гарси подошла ко мне и явно чего-то стесняясь она ко мне впервые обратилась с весьма необычной просьбой:

– Валери, ты не будешь возражать, если мы всем экипажем остановиться в той же гостинице, что заказана и для тебя?!

Вот тебе и раз, я уже совсем собрался покинуть борт самолета и переходить в аэропорт, но остановился и посмотрел в честные-пречестные глаза Гарси, бывшей любовницы и личной помощницы Мартина. Все дело было в том, что экипажи корпоративных самолетов сами решали, в каких гостиницах они будут останавливаться. Обычно гостиницы для экипажей определялись согласно сметы затрат на полет в тот или иной город Европы или Америки. Если Гарси пошла на такой риск и решила вместе с двумя пилотами остановиться в моей, ею же заказанной гостинице, то на деле это могло бы означать только одно, что эта честная девушка на кого из нас двоих, на меня или на Баксбаума, положила свой глаз! Принимая во внимание то обстоятельство, что в свое время я ей уже отказал, то Гарси свой глаз, вероятнее всего, положила на моего нового адвоката, на Дэвида Баксбаума!

– Ты же сама, Гарси, составляла и утверждала смету расходов на этот полет, так что сама и решай, в какой гостинице экипажу останавливаться! –

Этими словами я попытался вывернуться из дурацкого положения, в него Гарси меня поставила своим вопросом. Так как я не хотел, чтобы Баксбаум меня когда-либо обвинил в том, что это я его якобы свел с Гарси. Ведь, все стюардессы большие, профессиональные хищницы на мужчин, они себе мужей находят или среди членов своих экипажей, или среди своих пассажиров.

Когда администратор лондонской гостиницы мне и Баксбауму оформляла номера, то краем глаза я заметил Гарси, только что вышедшую из подъехавшего лондонского кэба. Так что Дэвиду Баксбауму теперь требовалось свои уши держать остро, и держаться, как можно от нее подальше. Но, разумеется, я ни единым словом с ним по этому поводу не обмолвился. Ведь этот мужик мне сам недавно утверждал, что он профессиональный адвокат, значит он должен знать, какими настойчивыми бывают девушки, желающие выйти замуж! Я даже притворился, что не заметил появление Гарси. Она же за нами пристроилась в очередь к портье на оформление в гостиницу, хотя к другим портье никаких очередей вообще не было. Я уже отходил от администратора гостиницы, по-прежнему, не замечая в упор стюардессы Гарси. За

моей спиной вдруг послышался звук столкновения двух тел и падение какого-то чемодана, эти звуки вскоре сменились двумя знакомыми голосами:

– Ба, и такая прелестница решила тоже остановиться в нашей гостинице!

– Вы знаете это простая случайность, просто, господин Варньей, очень любит, когда экипаж его корпоративного самолета у него всегда находится под рукой!

Я не стал останавливаться и у Гарси выяснять, а где же сейчас находятся оба ее пилота, в какой же гостинице они остановились?! Не стал этого делать по очень простой причине. Я всегда придерживался принципа, что каждый человек свою жизнь сколачивает своими собственными руками, правда, время от времени советуясь с Богом!

На этот раз я Гарси попросил себе заказать обыкновенный люкс из двух комнат, из спальни и из гостиной. Вы сами понимаете, что я Англию особо не любил, вот и номер мне особо не понравился. Англичане чрезвычайно любопытные люди, все их гостиницы напичканы подслушивающей и подсматривающей аппаратурой, и шагу ступить нельзя, не оказавшись под чьим-то присмотром!

На данный момент мне очень могла бы помочь группа информационно-технической поддержки Линды. Но по данным полковника Андерсена, три дня назад на территорию моего завода под Лондоном силой прорвались какие-то британские полицейские. Они окружили здание, расположенное на заводской территории, в нем работала Линда вместе со своими людьми. Не слушая ее объяснений, полицейские ее и ее парней заковали в наручники и без объяснения причин увезли в неизвестном направлении! Только вчера юрисконсульту моего завода удалось выяснить всю подоплеку произошедшего. Линду и ее людей арестовали якобы за работу на Россию. Причем полиция особо не вдавалась в объяснения в разговоре с юрисконсульту. Она с ним разговаривала очень грубо, категорически отказываясь давать какие-либо разъяснения.

Когда я обо всем этом рассказал Дэвиду Баксбауму, то он всего лишь поинтересовался:

– Так вы, господин полковник, говорите, что у вас на руках имеются официальные документы о регистрации охранного предприятия?!

– Так точно, господин адвокат! – Автоматически я ответил, но себя в душе проклинал за то, что не нашел времени взглянуть на все учредительные документы, подготовкой которых занималась Линда.

– Ну и отлично! Этих документов и документов на завод по производству лекарств мне будет более достаточно для до того, чтобы с британского правительства потребовать освобождения ваших людей, возмещения за не законное вторжение на территорию вашего завода, за испорченное оборудование, за ущерб, нанесенный репутации вашего концерна, и за моральный ущерб. В общем это может составить около десяти миллионов фунтов стерлингов!

– Но полиция будет всеми силами препятствовать расследованию, выдвигать необоснованные обвинения!

– Господин полковник, я же вам сказал, что в полицию за разъяснениями ни я, ни вы – мы не будем больше обращаться. Мы вместе с вами подаем иск в британский суд со всеми нашими пояснениями и требованиями и с предоставлением нашей документации. Так что теперь пускай сам уже английский суд общается со своей полицией. Мы же свой иск заберем обратно только в случае выплаты десяти миллиона фунтов стерлингов. Вам же, господин полковник, сегодня следует найти и мне передать пакет всех требуемых документов. Во второй половине дня свой иск вместе со всеми копиями требуемых документов мы может отправить в английский суд. Думаю, что завтра вечером или послезавтра утром ваши люди покинут тюрьму.

Я позвонил в службу обслуживания номеров и себе заказал легкий бранч с растворимым кофе и с молоком. Сам же собрался отправиться в ванную комнату принять душ. Только в эту минуту я вспомнил, что итальянец Энрике меня попросил этим днем душ не принимать.

– Экселенцо, я вашу рану перевязал очень хорошим и дышащим бинтом, но этот бинт пропускает воду. Поэтому вы уж сегодня постарайтесь избегать ванны и душа, но зато ваша

рана сделает стремительный рывок к заживлению. Завтра утром вы этот бинт замените на водонепроницаемый бинт, ваша прекрасная помощница, наверняка, согласится и вам поможет перевязаться!

Так что мне пришлось отказаться от своей идеи принять душ, теперь мне ничего не оставалось делать, как ожидать свой бранч, хотя есть я не особенно хотел. Подойдя к одному из окон своего номера, несмотря на середину лету на улице шел мелкий дождь, англичане с зонтами в руках спешили по своим делам иди в свои офисы. Этот дождь мне напомнил сорокоградусную жару и городской пляж в Тель-Авиве. Когда израильские полицейские моего связного Сержа уводили под конвоем. Опять сработал Николай Иванович, став генералом, он не оставлял своих привычек мелкого доносчика. Желая, всеми способами поддерживать у ЦРУ и МИБ свою значимость и весомость он теперь по одному сдавал все российскую агентуру на Западе! Мне стало тошно от одной мысли о том, что в тот момент я Сержу уже ничем не могу помочь. Он же, выполняя мою просьбу, рискнул своей жизнью, задержался в баре лишнюю минуту и попал в лапы израильской полиции!

Мое настроение с каждой минутой ухудшалось, мне захотелось выпить чего-нибудь покрепче, но не в гостинице. Я решил немного прошвырнуться по Лондону, подышать свежим, а не этим кондиционированным воздухом. Зонта у меня не было, но я знал эту идиотскую британскую привычку в дождь зонты выставлять у выходов из домов и офисов, чтобы каждый прохожий мог бы зонтом воспользоваться. Но только я собрался взяться за дверную ручку, как дверь сама бесшумно распахнулась.

В прихожей моего номера из-за дождя было очень сумрачно, почти совсем темно. Так что я, действуя интуитивно, успел сделать всего лишь один шаг в сторону. Но, тем не менее, я оказался вне зоны острого угла света, хлынувшего в проем двери из гостиничного коридора. Стоя за дверью, я мог наблюдать за тем, как в светлом углу появилась тень человека. Но, что мне больше всего не понравилось, этот человек входил в мой номер с правой рукой, прижатой с правого бока. Черт меня подери, и в этой руке человек-тень держал пистолет с накрученным глушителем.

Добрая, старая Англия, до чего она докатилась, вместо того, чтобы меня благодарить за неимоверную сумму денег, потраченных мною на гостиницу, решила мне подослать наемного убийцу. Да еще к тому неумеху, я его вырубил всего лишь одним ударом кулака в подбородок. Затем молодого парня с пистолетом затащил поглубже в свой номер, чтобы он оставался бы у меня на виду, чтобы он даже случайно не превратился бы в хладный труп! Затем я позвонил в службу обслуживания номером и поинтересовался:

– Что с вами происходит, свой бранч я заказал пятнадцать минут назад, а его все нет и нет?!

Сэр, вы уж нас извините, но в данный момент у нас столько заказов, что мы едва успеваем их все выполнять!

– Поэтому с тем, чтобы не выполнять и закрыть мой заказ, вы мне послали наемного убийцу?!

– Сэр, что вы говорите, у нас и мысли не ...

– Тогда придите и его заберите! – Трубку внутреннего телефона я швырнул на рычаги.

Затем я снова поднял телефонную трубку внутренней гостиничной связи и набрал номер номера Баксбаума.

– Дэвид, у меня тут возникла одна небольшая проблема! Не могли бы вы сейчас прийти в мой номер.

Буквально за минуту мой номер заполнился целым взводом английской полиции, в нем сразу же стало нечем дышать. Видимо, эти полицейские готовились меня арестовать и тащить в каталажку за хладный труп, якобы найденный в моем номере. Но вместо этого полицейские узрели молодого человека с пистолетом в руке и с синяком на скуле, аккуратно лежавшего на

ковре, расстеленном на полу гостиной. В этот момент в гостиной появился мой адвокат Дэвид Баксбаум, он явно был высокий профессионал своего дела. Одного взгляда Дэвиду хватило на то, чтобы понять, что именно в моем номере произошло. Всем своим телом он развернулся к полицейским и поинтересовался:

– Кто у вас, господа полицейские, старший?

Вперед выступила единственная дама среди всех этих полицейских. Причем она была типичной англичанкой, имела сухие черты лица, больше похожего на мужское, и хорошо заметные формы женского тела. Вот только эта англичанка была одета, как все полицейские, много одежды оранжевого цвета и никаких указаний на ее звание.

– Не могли бы вы представиться, мадам?! – Не менее вежливо ее попросил Дэвид Баксбаум.

– Кто вы такой, чтобы здесь распоряжаться, уважаемый господин! И, пожалуйста, вы нам не мешайте выполнять свои служебные обязанности!

– Какие именно, мадам, не соизволите ли вы со мной поделиться требуемой информацией!

– Мы пришли арестовать вот этого господина, он только что убил вот этого английского мальчика. – И мадам полицейская головой кивнула в сторону мальчишки с пистолетом и с синяком на скуле, все еще продолжавшего валяться на ковре.

– Разумеется, мадам, я вам не буду препятствовать в исполнении служебных обязанностей! Но, как мне показалось, то вы из них кое-что упустили! Вы до сих пор не установили жив или мертв этот мальчишка с пистолетом в руке?! Причем эту процедуру вы должны были бы проделать при свидетелях, а кроме вас, полицейских, в этом номере никого нет! Что означает, что вы не собираетесь при свидетелях устанавливать, жив ли этот убийца или нет?! К счастью я, американский адвокат, почетный член американской гильдии адвокатов, совершенно случайно проходил мимо номера своего соседа. Увидев, что дверь этого номера распахнута, то я решил своего соседа навестить и поинтересоваться его здоровьем. Ну, так что, мадам, может быть этот разговор мы с вами продолжим в суде?! Но в любом случае вы уж, пожалуйста, освидетельствуйте этот хладный труп, сейчас придут и свидетели. Я их заранее пригласил.

На целую минуту в моем номере воцарилась тишина. В это время мадам полицейская о чем-то размышляла. Я с громадным удовольствием наблюдал за тем, как продолжался ее мысленный процесс. На руках у нее был письменный приказ о моем аресте, но выполнить его она не может. Ведь, все доказательства того, что я целенаправленно и преднамеренно ни за что, ни про что убил английского гражданина пошли коту под хвост! Конечно, она могла бы попытаться меня арестовать, но в данный момент мадам хорошо понимала, что мой арест может привести к небывалому скандалу из-за присутствия американского адвоката. Причем скандал может оказаться такой силы, что и ее могут уволить из лондонской полиции из-за служебного несоответствия, а это для нее могло бы означать старость без пенсии и средств существования. Заместитель же интенданта лондонской полиции, подписавший этот приказ, останется в стороне, его ведь не за что наказывать.

Я так и не понял, что именно меня потянуло на то, чтобы произнести следующую фразу:

– Зря вы так думаете, сержант, Зеппельт обязательно понесет кару за одно уж то, что впутался не в свое дело! Оно ему не по плечу!

В этот момент в моем номере появились три женщины и двое мужчин. Дэвид Баксбаум выступил вперед и грустным голосом произнес:

– Мадам, вы сами приняли это решение, молчать и не исполнять своих служебных обязанностей. Предвидя ваше поведение, я в номер пригласил светил медицинской науки Британии. Они займутся тем, что вы на данный момент отказываетесь делать.

Дэвид демонстративно повернулся ко входу в мой номер и произнес:

– Господа свидетели, прошу вас пройти в номер! – Затем он повернулся к пятерым ученым и попросил:

– Не могли бы вы провести медицинский осмотр этого мальчишки и установить, в каком состоянии он находится?!

2

Мне пришлось все-таки съехать из этой гостиницы, где меня попытались дискредитировать, подослав наемного убийцу, и арестовать, обвинив в его убийстве. Гарси подсуежилась и, несмотря на нехватку номеров в дорогих и уважаемых лондонских гостиниц, она невероятным образом сумела мне снять верхний этаж одной из лондонских гостиниц. При этом ее менеджмент мне гарантировал вооруженную охрану, которая меня будет сопровождать по всему Лондону двадцать четыре часа в сутки.

Багажа у меня с собой практически не было, я просто сошел вниз и ни с кем из obsługi старой гостиницы так и не прощаясь, бухнулся в первый же попавший под руки кеб и в нем отправился по новому адресу своего проживания. Лондонский морозящий дриزل все еще продолжался, мое же настроение еще более ухудшилось после такого дурацкого инцидента в гостинице с полицейской подставой. Единственным вариантом повысить свое настроение оставалось посещение какого-либо лондонского паба, там немного поразмяться текилой и поднять настроение уже какой-либо русской водочкой.

В этот момент кеб как раз проезжал мимо одного из лондонских пабов. Я рукой коснулся плеча таксиста и у него вежливо поинтересовался:

– Вы случаем не посещали этот паб?

– Да бывал там пару раз, он мне показался очень неплохим пабом!

– Тогда вы не могли бы остановиться. У меня ноет душа и требует выпивки!

– Что ж, молодой человек, свою душу надо уважать, она у вас единственная. Что касается выпивки, то вы своей душе в ней уж никогда не отказывайте!

Старый водитель свой не менее старый кеб припарковал прямо у дверей паба. Мне оставалось до не пройти всего лишь два шага. Когда я расплачивался с водителем, то он мне вдруг поинтересовался:

– Молодой человек, как долго вы собираетесь пробыть в этом пабе?

– Честно говоря, не знаю! Может быть, полчаса или минут сорок, выпью пару текилы и посмотрю, не станет ли мне легче?!

– Если захотите, то я могу вас подождать. У меня обеденное время, а тут за углом находится одна кафеюшка. Там можно хорошо поесть и не так уж дорого!

Я на секунду задумался, мне очень понравилось иметь дело с Фомичом, да еще в роли старого английского кэбмена, а затем сказал:

– Хорошо, встречаемся, без четверти три часа. Здесь же, на этом же месте. Сдачи не надо, на нее можете пообедать.

В это время дня пабы уже работали, но были полупустыми. Посетители в них появлялись под вечер, когда простой британский народ начинал с работы возвращаться домой. Когда я переступил порог паба, там были посетители, но было много и свободных столиков. Я подошел к барной стойке и коротко бросил:

– Пожалуйста, большой кусок хорошо пропеченной свинины и две золотые текилы, но только с лимоном, соли не надо!

– Хорошо, бадди, сейчас исполню твой заказ! Обе текилы сразу же на стол подавать, или с интервалом!

– С интервалом, но так, чтобы я не ждал второй текилы.

– Хорошо, бадди, иди за стол, через пару минут я все сам принесу.

– Пару раз мне приходилось бывать в вашем пабе, но каждый раз меня обслуживали девушки.

– Они работают по вечерам, когда в пабе много народа. Я только принимаю заказы и оплату, готовят же мои повара, а девчата снесь и выпивку разносят по столам. Может быть,

ты, бадди, кого-либо конкретно из девчат имел в виду, то назови ее имя, я ей от тебя передам привет!

– Розмари, такая черненькая и очень смазливая девчонка.

– Я хорошо помню твою Розмари, но она у меня давно уже не работает. Как только вышла замуж, то он меня тотчас же покинула. И это случилось примерно два года тому назад!

– Очень жаль, что я ее больше не встречу!

– Не жалей, Розмари счастлива в замужестве! Ты же приходи вечером, встретишь новых девчонок. Может какая-либо из них согласится вечерок провести в твоей компании?!

– Нет, сегодня вечером я очень занят! Может быть, завтра или послезавтра я к тебе обязательно загляну! Что-то я с тобой слишком уж разговорился, но выпить и покушать очень хочется.

– Ладно, ты уж выбирай свой стол, я сейчас все, что ты заказал, принесу. С тебя шесть фунтов, девять пенсов.

Вот тут-то я обнаружил, что в моем кармане оказалось всего лишь одна бумажка в десять фунтов. Молча, расплатился и поплелся к одному из свободных столиков.

Кэбмен Фомич меня уже ждал у паба. Я сел на заднее сиденье его кеба и у своего старого друга поинтересовался:

– Ну, и как пожрал на мои деньги!

– Да так себе, мне бы хотелось бы поесть русской картошечки, а мне полную тарелку наложили какой-то запеченной картошки с бургером. Картошка была совершенной не вкусной.

– А ты бы ее запил бы водочкой, гляди, вкус бы и появился! Так, как я тебя понял, то ты под своей любимой кафеюшечкой имел в виду «Макдональдс»?

– Ну, и что в этом плохого? В нашем «Макдональдсе» иногда нас хорошо кормили. Мы туда частенько после работы заходили выпить «Старки»!

– Это потому, что Старка по своему цвету очень похожа на Кока-колу?!

– Ладно, хватит тебе подшучивать над старым человеком!

– Хорошо, тогда поделись, пожалуйста, информацией по Дэвиду Баксбауму, откуда он вдруг появился? Мартин ни единого раза не упоминал его имени ни среди своих друзей, ни среди своих служащих. О Гарси он, к примеру, мне частенько рассказывал, но вот о Дэвиде он мне ни единого раза не упомянул!

– Мы пока не установили всю биографию Дэвида Баксбаума. Нам только известно, что он действительно юрист по образованию, окончил Беркли и некоторое время подвигался в городе солнца, Лос-Анджелесе. Работает заместителем главного юрисконсульта ЦРУ в Вашингтоне, но не бросал и своей частной практики.

– Так попроси свою бандершу Триш о нем побольше узнать, чем он все-таки занимался в Эл-Эй.

– Уже попросил, ее люди накопили, что твой Дэвид в основном занимался делами незаконно уволенных агентов ФБР и ЦРУ. Некоторых он сумел даже восстановить на прежней работе. Но потом он вдруг исчез из Лос-Анджелеса. Достоверно известно, что он все-таки вращался в кругу друзей Мартина. По крайней мере, он несколько раз светился на девичниках, устраиваемых Мартином! Несколько фотографий с мартиновских девичников мы обнаружили в журналах «Нью Йоркер».

– Хорошо, Фомич! Попроси ребят продолжить свои поиски информации по Дэвиду! Что-то в нем есть такое, что мне нравится. И мне совершенно не хотелось бы, чтобы я в нем ошибся. А теперь, что вы узнали о Линде?

– Ее допрашивают каждый день по утрам и по вечерам. Хотят от нее по тебе получить информацию. Но она пока еще держится, хотя постоянно находится на грани истерики, так как не понимает, почему ее арестовали и что они от нее про тебя хотят услышать?! Ты уж

постарайся свою подружку побыстрее освободить, а не то у нее могут не выдержать нервы, и она сможет с собой что-нибудь нехорошее сотворить!

– Ее освобождением занимается Дэвид. В данный момент он от моего имени мой иск подает в суд на лондонскую полицию из-за незаконного задержания Линды!

– То есть вы даже не пошли в полицию потребовать ее освобождения?! Хитро и умно вы задумали! Я никогда не думал, что ты у меня такой умный ученик!

– Не я, Фомич! Это все Дэвид предложил. Я же ему всего лишь предоставил всю необходимую документацию по этому делу! Да, Фомич, я едва не забыл! Постарайся со своими ребятами последить за неким Зеппельтом, заместителем коменданта лондонской полиции. Это он подписал приказ на арест Линды. Бить или убивать его не надо, нужно на него найти компромат. Чтобы он с треском вылетел бы из полиции и, попав в список коррумпированных офицеров полиции, навсегда забыл бы о возможности восстановления в прежнем звании. Да и, если ты случайно когда-либо столкнешься со сержантом Оверлей, то постарайся ей найти работу где-нибудь на стороне. Она из тех, кто, получив приказ, не отступает от его исполнения! Может быть, и нам она когда-нибудь пригодится?! Очень скоро мы должны подъехать к этой гостинице, а мне нечем будет заплатить тебе по счетчику?

– Ах, да, совсем забыл тебе кое-что передать! Совсем постарел, многое начал забывать!

– Ну, до старческого маразма, Фомич, тебе пока еще далеко! Ты просто очень жадный и с такими деньгами тебе попросту не хочется расставаться!

В этот момент Фомич, не оборачиваясь, левой рукой мне протянул довольно-таки увесистый виниловый пакет. В нем находились мои документы на полковника Варньей и кредитные банковские карточки. Полковник Андерсен – шведка, шведы же по своей прагматичности очень близки немкам. Если у тебя когда-либо появиться теща-немка, то считай, что ты вскоре станешь очень богатым человеком. Так как твоя теща-немка будет пересчитывает каждый твой потраченный цент и требовать, чтобы ты его не тратил бы не по делу! Так и моя Памела Андерсен, она пока еще мои затраты оплачивает, но уже постоянно ворчит, что все свои деньги я рано иди поздно растрочу на женщин! По ее шведскому мнению, это все равно, что деньги пускать на ветер!

В этот момент зазвонил один из моих мобильных, пока еще находившийся в пакете. Единственным человеком в мире, кто мог бы знать номер этого мобильного, разумеется, была полковник Андерсен. Я в тот момент, когда мобильник доставал из конверта, услышал, как вполголоса чертыхается мой Фомич.

– Ну и зараза же, это твоя полковник, всегда делает только по-своему! Три раза она мне звонила, меня просила тебе передать, чтобы ты с ней срочно бы связался! Ну, а я об этом забыл!

– Да, слушаю!

– Черт тебя подери, ты, куда дел мою лучшую подружку?

– Какую твою подружку, Памела? Ты же знаешь мое твердое правило, что с твоими подружками я стараюсь не знакомиться, и вообще не иметь дела!

– Вообще-то я говорю о Люси! Я ее попросила всего лишь на одну ночь тебя приютить! И вот на те вам, я только что узнаю, что после этой ночи она куда-то бесследно исчезла. И главное, при этом она заблокировала все свои банковские счета, потребовав от своих банков, чтобы они ей не выдавали бы ни единого эре в течение года! Даже и в том случае, если в банк придет взвод автоматчиков и предъявит бумаги о снятии денег с ее вкладов, или о закрытии ее вкладов! Так, куда ты ее запрятал, Карл! Признавайся или я побегу в полицию, там сообщу, что ты ее соблазнил и куда-то запрятал мою лучшую подружку! Может быть, ты ее убил?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.